

Владимир ПАХОМОВ

ТЕНИ ТУНДРЫ повесть в рассказах

Пока готов я видеть каждый день
Тень облака, летящего над тундрой,
Тень птицы, пролетающей над тундрой,
И тень оленя, что бежит по тундре,
И рядом с ними собственную тень.

А. Городницкий

Это своего рода обобщение и размышления о значительном отрезке жизни, отданном Территории, наряду с воспоминаниями, в форме коротких зарисовок об удивительных людях, встреченных мною. ТЕРРИТОРИЯ – о ней писали многие, и прежде всего надо упомянуть, конечно, Олега Куваева. Территория – это не какое-то, пусть даже очень дорогое и значимое для Вас место. Это совокупность обстоятельств, случайных и неслучайных встреч и событий, ограниченных временно-пространственными рамками, позволяющая вам и призывающая вас проявить те качества, которые определяют становление личности во всей ее противоречивости и многообразии. И поэтому Территория у каждого все-таки своя. И я хочу рассказать о такой своей Территории.

В памяти с поразительной ясностью всплывают встречи с людьми, многие из которых определили становление особенностей моего характера и даже стали своеобразными вехами жизненного пути.

Именно об этих встречах я хотел бы рассказать.

События, по возможности, приведены в реальных временных рамках.

Почти все персонажи существовали в действительности, для некоторых мною выбраны прототипы хорошо знакомых мне людей.

ИДУ ПО АБРИСУ

1. На старте

После окончания 3-го курса института я был направлен для прохождения практики в Сеймчанское Районное геологоразведочное управление п. Сеймчан Северо-Восточно-го геологического управления с центром в г. Магадан.

Выходя из отдела кадров управления, я почти столкнулся с невысоким плотным человеком с шапкой поредевших седеющих волос.

«Студент – на практику? Куда?» – отрывисто и даже жестко спросил он.

Я еще раз посмотрел в направлении – «в Сеймчан!»

Взгляд его неожиданно смягчился.

«Сеймчан – я там начинал. На Севере впервые?»

Я кивнул.

«Запомни, парень – Север – это как судьба, от которой, как известно, не убежишь.

Даже если уедешь – все равно вернешься! Ну, удачи тебе!»

Много позже я узнал, что мне посчастливилось встретиться с легендарным начальником Дальстроя – И. Е. Драпкиным, выведенным в романе О. Куваева «Территория» под фамилией Робыкин!

В Сеймчане меня рассеянно встретил главный геолог Б.Ф. Палымский и направил меня в партию по разведке россыпей – ну совсем не туда, куда мы все хотели попасть – конечно же, на геологическую съемку.

(Для сведения. Площадь листа геологической съемки масштаба 1: 200 000 – в среднем около 4500 кв. км, что вполне сравнимо с площадью крупного города. Представьте себе, что значит для студента-практиканта 4500 кв. км неизведанности, и вы поймете меня.)

Кто мог сказать, что через 20 лет я встречусь уже в ранге главного геолога экспедиции с Б.Ф. Палымским? Меня он, конечно, не вспомнил, но общие воспоминания скрепили нашу дружбу на долгие времена.

Совершенно расстроенный, едва сдерживая закипающие слезы, я понуро брел к общежитию.

«Ну, что загрустил, студент? На съемку хочешь? Двухсотку? Беги к главному – он в курсе, потом меня найдешь в 11 комнате. Дылевский моя фамилия».

Обернувшись, я увидел сухощавого среднего роста мужчину в ладно сидящем геологическом костюме и лихо заломленном на правое ухо беретом. На загорелом лице выделялись умные ироничные глаза, верхнюю губу оттеняли щегольские усики с намечающейся проседью, выдающиеся скулы говорили о хитрости и силе характера – словом, передо мной был Д' Артаньян – 20 лет спустя! Так я стал называть его про себя.

«Да, не беги – зовут-то как?»

«Володя!»

«Ну, давай скорее – Вовчик!!!»

Удивительно, но этим уменьшительно-снисходительным именем очень долгое время меня будут называть друзья, знакомые и малознакомые люди.

Вскоре я уже сидел в довольно большой комнате, заваленной какими-то тюками, зелеными (как я позже узнал – выючными) ящиками с ремнями, приборами в чехлах и прочим снаряжением.

2. Поселок и Тундра

Даже сейчас он иногда кажется живым существом, глядящим на меня из тьмы пустыми глазницами выбитых окон и дверей, выцветшими детскими игрушками, сваленными в мокрую, разлезшуюся кучу книгами школьной библиотеки. Переосмысливая прошлое, теперь я убежден, что он представлял собой сообщество людей, разных по уровню образования и мировоззрения, вкусов, привычек и потребностей, но волею

случая и обстоятельств ставших неразрывно связанными частями единого механизма, целью которого была разведка и освоение ГОРы золоторудного месторождения Майского, спустя много лет и ныне, успешно эксплуатируемого.

Большая часть населения поселка составляли уроженцы Украины: Кадиевка, Макеевка, Горловка, Дружковка. Многие приезжали, как бы временно (на 3 года) и оставались надолго, играли свадьбы, рожали детей, провожали их в детский сад, школу, в армию и институт, выходили на Первомай и 7 Ноября на забетонированную улицу, в клуб на танцы и кино, шли семьями на крытый каток.

Старожилы помнят старый поселок; беспорядочное скопление бесформенных, обшитых чем попало балков, затем радость заложения первого двухэтажного дома на новом поселке, шумных новоселий и грандиозного праздника по случаю ликвидации старого поселка. История не сохранила их имена, но поселок навсегда остался в их памяти. Они общаются в соцсетях, регулярно встречаются, дружат семьями и сообществами.

И, как-то раз, проснувшись рано утром,
На час забыв о зеркале и пудре,
Ты попросила рассказать о тундре,
И лист бумаги белый я нашел.
Тень облака, летящего над тундрой,
Тень птицы, пролетающей над тундрой,
И тень оленя, что бежит по тундре,
Изобразил бы я карандашом.
Потом покончив с этим трудным делом,
Оставив место для ромашек белых,
Все остальное я раскрасил смело
Зеленой краской, радостной для глаз,
А после взял бы кисточку потоньше
И, осторожно краски взяв на кончик,
Я синим бы раскрасил колокольчик
На этом бы закончил свой рассказ.

А. ГОРОДНИЦКИЙ

Совершенно неправильно отождествлять ее с географическим понятием. Ближе всего ее можно охарактеризовать, как среду обитания, неразрывными составными частями которой являются суровые природно-климатические условия и ее обитатели, в совокупности превращая ее в неповторимый уголок планеты. Старая, как сама земля, она очень неохотно открывается, как будто навсегда погруженная в свое, не доступное для посторонних. Тундра не любит новых людей, их шуток, насмешек, и жестко, а порой и слишком жестоко, отвечает на них. Но зато, какое счастье ждет того, кто сумел приоткрыть завесу ее тайн и несмело сказать ей: «Ты».

Она ответит вам малиновым румянцем осенней карликовой березки на щеках смущенной девушки, подарит, как улыбку проснувшегося ребенка, первый восход солнца после полярной ночи, раскинет серебряные ожерелья ягеля на черноту навсегда выгоревших камней предгорий, а на берегу неумолкающей, хрустальной реки будет шептывать вам старые-старые сказки, которые она рассказывает уже многие тысячи

лет и которые так понятны вам, хотя вы вряд ли могли бы передать их словами, навеет вам безмятежные сны посвистом ветра сквозь серебряный снег, баюкающий палатку, отзовется в вашем сердце криком запоздавшего гуся, догоняющего стаю. Кстати, тех, кто считает, что Тундра — это равнина и пологие холмы, покрытые мхом и травами, вынужден разочаровать тем, что каменистые предгорья на юге почти сразу переходят в весьма труднодоступные скалы. В свое время я находил в пикетажке Кроша (моего однокурсника), работавшего тогда в верховье реки Пегтымель такие строки: «Прямо по маршруту скалы лютые! Скалы ужасные! Идти тяжко!»

Почему ТЕНИ ТУНДРЫ? Потому что людей, с которыми я вас хочу познакомить, давно нет с нами, но их тени до сих пор бродят по тундре, их голоса, если Вы прислушаетесь, сливаются с журчанием ручья на камне, они смотрят на вас из черной глубины зеркал тундровых озер, их следы еще можно прочесть под жухлой весенней травой, покрывающей вездеходную колею.

Принято говорить об ушедших: «Я вам все прощаю», но мне нечего прощать им, наоборот, я прошу прощения у них, за то что не сделал для них больше, чем мог, за повседневными заботами, не заметивший крик помощи в их глазах. Поэтому, дорогой Читатель давайте не будем отказывать нашим близким, друзьям и даже случайным людям в той малой толике любви, заботы и просто внимания, пока они еще живы, и затем терзаясь угрызениями совести, будем предлагать их Теням.

3. Вам завхоз нужен?

В коридоре я успел услышать, что вчера при выезде из аэропорта в аварию попала машина с завхозом и рабочим нашей (я уже называл ее так) партии и что оба они в больнице.

Замену рабочему легко нашли в моем лице, а с завхозом, я понял, была большая проблема.

Лицо начальника у перегревшейся телефонной трубки вдруг просветлело:

«Что? Уже идет? Ну, спасибо, Петрович, ну спасибо! Ну само – собой, конечно...»

В дверь негромко, но уверенно постучали и на пороге появился один из героев моей повести.

Прошло много лет, но он как будто только что переступил порог комнаты.

Это был мужчина лет 40-45, выше среднего роста в темно-синем свободного покроя костюме, который не скрывал, а, наоборот, подчеркивал его сильную фигуру.

Светло-голубую, идеально выглаженную рубашку дополнял темно-синий в крапинку галстук, и блеснувшая на миг запонка (золотая, наверное) и массивный перстень, – словом, таких персонажей раньше я видел только в редких (тогда у нас) зарубежных фильмах.

Почти незаметным жестом смахнув с чуть тронутого загаром гладко выбритого лица темные очки, он (явно наслаждаясь произведенным эффектом), безошибочно определив начальника (ну не меня же), и мягким баритоном, скорее, даже утвердительно спросил:

«Это вам завхоз нужен?»

Справившийся с изумлением, Д'Артаньян кивнул.

«И вы, что же можете с этим совладать?»

«Прошу поверить на слово – из того, что мне приходилось делать, это не самое трудное занятие».

«Ну, хорошо – давайте паспорт».

Жестом не без достоинства, мужчина достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо плотный листок.

«Пожарский Александр Михайлович» – без всякого выражения вслух прочитал Д'Артаньян.

Затянувшееся молчание прервал вошедший высокий мужчина с военной выправкой и неестественно белыми коротко остриженными волосами.

Странное впечатление производил косой багрово-синий шрам, пересекающий всю щеку от левого глаза.

«Евгений Федорович – (только разве не козырнул он) из Омолона передали, что у Ми-4 кончаются часы и сводка у нас на завтра плохая. Предлагаю вылететь сегодня».

4. 1969. Омолон. Дальше ни души

Через три часа я уже лежал возле иллюминатора в доверху загруженном, громяющем АН-2.

Под нами в разрывах облаков, похожих сверху на клочья грязно-серой, намочшей ваты, проплывала неведомая мне страна, полная тайн, загадок и приключений.

Невероятно причудливо изогнутые темные ленты рек, окаймленные полосками леса, похожими сверху на расчески с выломанными местами зубьями среди яркой зелени лугов, сменялись редколесьем предгорий, переходящим в серые пятна каменных осыпей, на фоне которых контрастно выделялись темно-зеленые куртины кедрового стланика.

Ослепительно белые снежники оттеняли густую синеву величественных гор на горизонте.

Завхоз в ладно сидящем на нем (не то, что на моей тщедушной фигуре) геологическом костюме дремал, положив руку на выдавший виды фибровый чемодан.

Быстро выгрузив (буквально выкинув) нас на полосу, самолет улетел.

Справа от нас стоял зачехленный вертолет Ми-4, слева виднелся бревенчатый дом с прилепившимися к нему сараями.

Флаг на высокой мачте, служившей еще и антенной, однозначно указывал на принадлежность аэродрома к территории Советского Союза.

Завхоз удивительно сноровисто (будто всю жизнь этим занимался) укрыл снаряжение брезентами и догнал нас по пути к дому, нагруженный какими-то свертками и кулками.

Хозяин дома – приземистый, крепкий с виду, густобровый мужик, с недельной щетиной на слегка припухшем лице – встретил нас, как старых знакомых, обнявшись с Д'Артаньяном и коротко кивнув нам: «Романыч».

«Хозяйка наша на материк улетела, а мы вот с дочкой вдвоем здесь, – извиняющимся тоном пробормотал Романыч. – Да вы располагайтесь, тут вот летуны живут, а вы вот сюда, сюда вот...»

На многочисленных, засиженных мухами Почетных Грамотах, развешанных прямо на бревенчатой стене, я прочитал фамилию хозяина – Ильченко Михаил Романович.

Не прошло и 15 минут (ну не больше, чем полчаса), как наш Завхоз уже стоял у плиты в ловко завязанном фартуке хозяйки и, весело переговариваясь с Романычем, дробно стучал ножом по разделочной доске.

Улучив момент, я, понизив голос, спросил:

«Евгений Федорович, а что это за документ он вам показывал?»

«Справка об освобождении».

«Освобождении от чего?»

«Ну не от физкультуры же... Справка об освобождении из лагеря, из тюрьмы короче...»

«Так он что – вор?»

«Ну... да»

«А как же... а зачем... а почему же вы его взяли?»

«Да я знаю таких, Вовчик – у своих (ну а мы с тобой свои для него теперь,) копейки не возьмут».

Необычайно познавательную для меня беседу прервал Романыч:

«К столу давайте – перекусим, чем бог послал».

А бог, действительно, сегодня расстарался.

В центре чисто вымытого дощатого стола красовалась огромная кастрюля разварной картошки, обильно сдобренной маслом и свежим укропом, по обе стороны – две сковороды, в одной из которых были аппетитно поджаренные кружочки колбасного фарша, а во второй-разогретая на обжаренном луке говяжья тушенка, посыпанная зеленым луком.

Гвоздем стола, тем не менее, было блюдо с нарезанной крупными кусками, истекающей жиром вяленой рыбы (озерный чир, как мне сказали потом).

На шум и запах из боковой комнаты вышли два вертолетчика (удивительно похожие друг на друга), многозначительно посмотрели друг на друга, и один из них вынес слегка помятую армейскую фляжку.

Во время оживленного застолья я узнал, что весь состав партии, включая каюра и 6 лошадей, уже находится на базе партии, построенной весной прошлого года, но мысли мои были заняты совершенно другим.

Я никогда раньше не встречался с людьми «оттуда», и мне они всегда казались пришедшими из другого, темного и страшного мира.

Воображение, подпитываемое фильмами того периода, рисовало их нарочито щегольски одетыми, обязательно с золотым зубом, в фасонной кепочке и развязно-вызывающим видом.

Поэтому я с нескрываемым любопытством и (честно признаюсь) со смешанным чувством удивления и страха то и дело посматривал на Завхоза.

На робкий стук в дверь хозяин гостеприимно пробасил:

«Заходи, дядя Саша, заходи».

На пороге стоял высокий сгорбленный, совершенно седой человек в чистой, я бы даже сказал, весьма приличной одежде.

Он скромно присел на край скамейки возле стола, аккуратно положил кусочек рыбы на хлеб. Меня поразило, что он держит вторую ладонь возле рта так, чтобы ни одна крошка не упала на пол.

Д'Артаньян подтолкнул меня локтем:

«Попробуй, Вовчик, поговори с дядей Сашей. Интереснейший, я тебе скажу, человек...»

5. Скажи, ведь заплачено же? Сполна?

Помятая фляжка, прокатившись несколько раз по столу, сделала сидящих еще разговорчивее, с выраженным желанием перекричать друг друга, и я незаметно подсел к дяде Саше.

Он подробно, полуприкрыв удивительно ясные светло-синие глаза, расспросил меня обо всем – о студенческой жизни, родителях.

Улучив момент, я в свою очередь задал ему вопрос:

«А почему вас все называют – дядя Саша?»

«Да потому, юноша, что фамилию мою и отчество никто не знает, да я и сам забывать их стал потихоньку... Номер вот хорошо помню – К-1478».

«Какой номер?» – не понял я.

«Лагерный номер» – невесело улыбнулся он.

И вдруг, как будто поддавшись внезапному откровению, он рассказал мне удивительнейшую историю, которую я запомнил на всю жизнь.

(Впоследствии я не раз замечал особенность почти сразу располагать к себе самых различных людей, часто незнакомых со мной).

«Вас, юноша, как родители звали в детстве?»

«Володя» – выдал я почему-то несмело.

«Вовчик, скорее всего – да? И мне удобнее так – вы уж простите старика.

Итак, представьте – 1938 год, город Киев, государственный университет.

Я готовлю курсовую работу по межродовым отношениям скифов северного Причерноморья.

Ссорюсь почти ежедневно с моей Галей по поводу даты нашей свадьбы.

Как жили мы – студенты конца 30-х?

Да почти так же, как и вы 30 лет спустя – дружно, весело, так же не хватало порой денег угостить девушку мороженым, учились, работали, свято веря в светлое будущее и победу коммунизма.

Я знал, конечно, о настойчивых попытках ухаживания за Галей со стороны завкафедрой – статного сорокалетнего мужчины с густой седеющей шевелюрой, но большого значения этому старался не придавать. И, как оказалось, напрасно.

7 апреля (этот день я навсегда запомнил) меня арестовали прямо во время занятий на глазах у всех. Через 2 часа меня втолкнули в переполненную камеру Лукьяновской тюрьмы. Перед первым допросом мимо меня из кабинета следователя вывели (точнее, вынесли) окровавленного избитого человека.

Я стыжусь и сейчас признаться, но я всегда боялся боли, поэтому решил сразу: пишу все, что скажут – лишь бы не били.

Следователь довольно мягко, почти доверительным тоном сказал мне, что я обвиняюсь в принадлежности к студенческой контрреволюционно-троцкистской организации.

«Ну, я понимаю, вы же не сами – это все они, да?» – и протянул мне список примерно из 15 фамилий.

«Подпишите вот здесь!»

Кажется, в том списке были три или четыре фамилии моих однокурсников, но вспомнив изуродованное лицо человека, дрожащей рукой я подписал приговор, скорее всего, ни в чем неповинным людям.

«И вот здесь тоже еще!»

Я подписал, не читая.

«Вот и ладненько! Увести!»

Через 10 дней мне огласили приговор особого совещания ОГПУ – согласно статье 58-11 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

В тюрьму Галя не приходила.

Много (очень много) позже я узнал, что на комсомольском собрании, где меня исключили из комсомола, она активно выступала – ЗА и предлагала заклеить меня позором.

Потом была Ярославская пересылка, казалось, нескончаемый рельсовый путь в грязном и душном «столыпинском» вагоне, ледяной темный трюм парохода, снова пересыльная тюрьма в Магадане.

В декабре 38 года по утопающей в снегу промерзшей дороге меня, почти полумертвого от недоедания и холода привезли на золоторудный прииск «Мальдык» Дальстроя.

Провалялся два месяца в больничке, был признан негодным для работы по добыче золота и отправлен подсобным рабочим на промзону, потом на погрузку угля для кочегарки, а вскоре водителем и по совместительству бульдозеристом.

В конце 1948 года мне (видно, за хорошую работу) добавили еще «пятерик», освобождился я по амнистии 1953-го и даже получил разрешение вернуться в Киев.

В Киеве меня встретил мой дядя Ленья – родной брат отца, и предложил пожить у него в большой, почти пустой квартире в уцелевшем старом каменном доме на Дарнице.

Используя многочисленные старые связи, дяде удалось прописать меня у себя.

Я сразу же начал искать Галю и случайно на улице столкнулся с моим бывшим преподавателем.

Он, пряча глаза и явно чувствуя себя неловко, рассказал мне, что в январе 1939-го Галя вышла замуж за завкафедрой и в сентябре (кажется) 1940-го родила двойню – мальчишек: Всеволода и Тараса.

В июне 1941 при первой же бомбежке в их дом попала бомба.

Галя и ее муж погибли под завалами, а дети чудом уцелели.

Их забрали в детский дом, который через месяц эвакуировали, а куда, он не знает.

Слушая Дядю Сашу, я вдруг поймал себя на мысли, что все это звучит как-то заученно, навсегда затверженным уроком, да еще и довольно монотонно и против моей воли глаза стали потихоньку закрываться (нет, нет я не пил – ну нисколючко).

Несомненно, заметив это, он сменил интонацию и слегка повысил голос.

«В общем, усилиями, в основном, дяди я разыскал этот детский дом.

Он был эвакуирован в Сызрань, а в 1948 снова вернулся в Киев, и дети Гали были там – живы и здоровы.

Неожиданно умирает дядя – прямо на улице.

Обширный инфаркт – следствие невероятного напряжения, недосыпания, голода во время работы на оборонном заводе в тылу.

И я остался один в огромной (по тем временам) квартире.

Сколько было обито порогов, длинных очередей за всевозможными справками не считать, но я добился опекуна над сыновьями Гали и вскоре перевез их к себе.

Зачем я все это затеял?? Ради памяти Гали?? Вряд ли?

И тогда, и сейчас я думаю, что этим хотел хоть в малой толике искупить вину перед людьми из того списка, который я подписал тогда в кабинете следователя ОГПУ.

Скажу тебе сразу, что отношения с братьями у меня не сложились.

К этому времени им было по 15 лет, оба они курили, потихоньку пили и скоро в нашей квартире стали появляться весьма сомнительные личности, некоторые значительно старше братьев, в которых я наметанным глазом узнавал бывших «пассажиров».

В шкафах, а то и прямо на столе я обнаруживал вещи, нередко женские, какие-то коробки, свертки, дорогие продукты.

В школу ходить они перестали сами, и меня просто не слушали, иронически-снисходительно улыбаясь, как обращаются со слабоумным человеком.

Тогда я не придавал этому большого значения.

Прошло два долгих года, для меня даже более длинных, чем в лагере.

И вот однажды в воскресенье к дому подъехала закрытая машина с красным крестом.

В квартиру вошел человек в сером, несвежем халате в сопровождении двух дюжих «молодцов» с равнодушно-угрюмыми лицами.

Человек зачитал мне по сложенной вчетверо бумажке из внутреннего кармана, что по заявлению граждан (подписи имеются) я должен в принудительном порядке пройти медицинское обследование по причине слабоумия и социальной опасности для окружающих. Я не сопротивлялся.

Через год меня выписали из психушки. В квартире меня встретили чужие люди, и я узнал, что уже полгода как выписан.

Идти было некуда.

Я снял последние деньги со сберкнижки и по оргнабору (вербованный, значит) оказался снова на Колыме, как будто и не уезжал никуда.

Ей богу – как домой возвратился!

Вот доживаю здесь, теперь, пенсию выправил...»

Он замолчал и как-то (или мне показалось) искательно заглянул мне в глаза.

«Ну за все же заплачено сполна! Всей жизнью моей!»

И тут я понял, что этот вопрос он задавал десяткам людей, в надежде услышать так нужный для него ответ.

Я смотрел на него и молчал. Мне не было его жаль.

А если бы в том списке было не 15, а 40 или 100??

А в войну, которую он пережил в лагере, где наверняка ходил в «активе» или попросту в «стукачах», если бы попал в плен, наверняка был бы предателем и служил бы немцам?

Ночью, лежа без сна в спальном мешке, я размышлял об услышанном.

Мы тогда очень мало знали о том времени, воспитанные на героях «Молодой Гвардии» и Зое Космодемьянской.

А теперь я задаю вопрос себе и вам, дорогой Читатель:

«А как бы я, вы, ваши друзья повели себя тогда, в кабинете следователя ОГПУ???

И для себя ответ не нахожу...

Ответ, вероятно, кроется в извечном и такой разным для каждого нравственном выборе, нередко определяющем дальнейшую судьбу.

И все же подумал я: «Нет, дядя Саша – неоплаченный это долг и не закрыть вам его»

6. Иди, иди сюда, сопливенькая...

Неожиданно цветастая занавеска в углу комнаты заколыхалась, и из-за нее вышла... девочка!!

В чистом, но донельзя застиранном, потерявшем цвет платьице, с пальчиком во рту с заметной щербинкой, почесывая одной грязной ножкой другую, она внимательно, но без тени смущения рассматривала нас.

«А ну-ка иди, иди сюда... сопливенькая» – Встал из-за стола Завхоз.

«Я не запливинькая – вот!»

«А кто же ты?»

«Пгосто девочка – вот! Меня зовут Ига и мне может тги годика уже!»

«А... ну тогда угадай в какой руке» – протянул он ей два своих внушительных кулака.

«Ета – вот!»

Завхоз разжал руку – на ладони лежала конфета «Василек»!

«Ета-чикаладная? Я чикаладные люблю, мне мамка пгивозит!»

«А у тебя есть чикаладная?» – И она подбежала ко мне.

«У меня нет», – смутился я.

«Нехолосый ты дядька, вот» – и убежала к Завхозу.

Я не мог знать, что через 25 лет при весьма необычных обстоятельствах судьба снова сведет меня с Ириной Ильченко, той самой «запливенькой» девочкой.

7. Секретарша, вдова. Встреча через 25 лет

Город Сизтл, США. Лето 1994. Раннее и, почти как всегда, пасмурное, утро, весьма типичное для города, где дождь идет 300 дней в году.

Собственно говоря, большей частью это не дождь, а противная унылая морось, и эта сонная унылость без сомнения задает ритм жизни большого города.

«Сегодня знакомая наша приезжает, Иркина подруга», – как-то вяло, без энтузиазма проговорил Володя, мой партнер по бизнесу с Россией.

«Ее, кстати тоже Иркой зовут. Ирка Ильченко», – помолчав, вдруг добавил он.

Я почему-то вздрогнул.

«А сколько ей лет, Вова?»

«Ей? – Помедлил он. – Да, около 30, наверное. Секретаршей у меня в Магадане работала. Да она местная – с поселка Омолон – может слыхал?»

«Скажи, еще и отчество у нее Михайловна?»

«Ну, Михайловна, и что?»

«А то, что я, Володя, не только слышал об Омолоне и не только был там, но и Ирину Ильченко знал ровно 25 лет назад!!»

Сомнений не осталось – скоро я опять встречу с «запливенькой» – спустя 25 лет, да еще в Америке!

После стихших эмоций и в ожидании гостя за нашей традиционной рюмкой «супа» Володя рассказал мне удивительную историю своей бывшей секретарши.

«Ирка ее притащила, чуть не с улицы – вечно всех жалеет. Худенькая, очки, платице застиранное, глаза на мокром месте, полы в больнице моет. А мы в то время как раз секретаршу искали. Короче, взяли ее, да, оказалось, она и печатает хорошо (отцу на метеостанции печатала). А у меня в то время партнер был с Орегона – Джерри Ф. Нормальный такой мужик, высокий, плечи развернутые, седина благородная. В свое время он нелегально вывозил артефакты из Перу, раскапывал индейские захоронения. Был осужден на 9 лет, предпочел отбыть срок в американской тюрьме, а не в Перу (ну, я бы, наверное, тоже). Поселился в небольшом городке Рокуе Ривер в штате Орегон. В общем, попросту подложили мы нашу секретаршу под него и к общему удивлению увез он ее в Орегон. Прожила она с ним 5 лет, зубы вставила и машинешку он ей раздолбанную (хуже твоей) купил, курили марихуану на крыльце домика, никуда не ездили, в гости не ходили, сильно сдал Джерри, особенно в последний год.

Как сама Ирка говорит: «5 лет американской тюрьмы с некоторыми удобствами».

Помолчав, он добавил: «Схоронила она его в прошлом месяце, ну вот и приезжает...»

Признаюсь, что этой встречи я ждал с нетерпением и некоторым волнением, как встречи с далекой и такой прекрасной молодостью.

Из старенького «Форда» вышла невысокая шупленькая молодая женщина в темном, ниже колен платье, в выдавших виды в тон платью туфлях на низком каблуке.

Минимум косметики, испытующий взгляд темных глаз из-за простеньких (да кто его знает) очков.

Узкая прохладная ладонь: «Ирина».

«А я ведь вас знаю, Ирина» – чуточку принужденно представился я.

После моего короткого, но яркого (ну так, как я умею) рассказа все дружно посмеялись, и некоторая натянутость встречи исчезла.

Разумеется, Ирина ничего не помнила.

После ужина, молодая вдова (не совсем веселая, но и без явных признаков грусти) пригласила нас к себе помочь ей с наследством Джерри.

В следующий уикенд мы прибыли в Рокуе Ривер (типичная американская глубинка – захолустный городок с одноэтажным кирпичным зданием банка, почтовым офисом с обвисшим флагом, магазином с «товарами повседневного спроса» и непременно старым, но ухоженным кладбищем). Хозяйство Джерри состояло из двух довольно обветшалых двухэтажных с маленькой мансардой домов, выкрашенных в унылую, местами облупившуюся серо-зеленую краску. Небольшие участки вокруг домов были покрыты чахлой травой.

На небольшом отдалении стоял приземистый гараж на две машины.

Но самым примечательным был огромный сарай, амбар, или как их тут называют, барн, выкрашенный, как и везде по Америке, в цвет хорошо обожженного кирпича.

Из огромных дверей нас обдало запахом вечности – да-да вечности! Именно этот запах присущ старым книжным фолиантам, впитавшим вековую пыль, коврам и гобеленам, мундирам времен войны Севера и Юга, индейским маскам...

Барн был доверху набит антиквариатом!

Ирина беспомощно развела руками: «И что мне теперь с этим делать?»

И мы заверили ее, что хотя это дело для нас новое, мы обязательно что-нибудь придумаем.

В благодарность она попросила взять что-нибудь на память о Джерри.

Мое внимание привлек (почему-то сразу) плоский деревянный ящичек с потемневшим серебряным орлом со свастикой.

Открыв, я сразу узнал офицерский «вальтер» в отличном состоянии, несомненно, с серебряной табличкой на ручке.

Моих познаний в немецком вполне хватило, чтобы вместе с гаммой охвативших меня (сына солдата) чувств прочитать: «Гаупштурмфюреру СС Отто Лиеману лично от рейсхфюрера СС Генриха Гиммлера».

«Это можно?» – стараясь сдерживать волнение, спросил я.

«Да, конечно!!!»

Володе как любителю холодного оружия приглянулась именная сабля (или шпага?) времен Гражданской войны в отличном состоянии с лентами и гравировками.

«Это Конфедератов», – пояснил он мне позже.

«У меня к вам еще одно дело», – несколько смущенно сказала Ирина и повела нас к закрытому на прочный замок гаражу.

В ярком электрическом свете сверкал полировкой и никелированными частями МЕРСЕДЕС!!

Судя по обводам и дизайну, довоенного или послевоенного времени.

«1939! Джерри много времени на него потратил! Помогите продать, пожалуйста...»

Мы охотно согласились.

В то время мы занимались (в том числе) продажей подержанных автомобилей и с завидной самоуверенностью считали себя «спецами».

Тем не менее, заплатив немалые деньги, обратились к группе экспертов и через неделю получили заключение, которое привело нас в состояние крайнего (если не сказать больше) замешательства!

Девять частей Мерседеса оказались «не родными», то есть они, конечно, были частями Мерседесов, но разных лет – от 1940 до 1956 года. На основании этого экспертная оценка не превышала (в лучшем случае) 15 000 долларов.

Увидев это, вдова разразилась рыданиями и прямыми обвинениями в наш адрес.

«Это неправда! Неправда! Джерри потратил намного больше!!! Больше! Вы просто обмануть меня хотите, да?»

Не говоря больше ни слова, через два дня Володя отвез «подарки» назад.

Больше с вдовой я не встретился.

Спустя полгода я узнал, что по завещанию она получила:

– 9 000 000 долларов,

– 7-комнатный пентхауз в Лос-Анджелесе,

– огромную ферму в штате Северная Дакота.

Вот тебе и «запливенькая»...

А еще говорят – врут сказки... Да, похоже – иногда не врут...

8. Жареный каюр

Вот уже больше недели, как мы бороздим просторы нашей площади работ, пересекаем заросшие жесткой темно-зеленой осокой кочковатые долины, карабкаемся по гранитным глыбам осыпей, продираемся сквозь чащи ольховника и уже порядком осточертевшие заросли кедрового стланика.

Обыденка – (как сказал бы О. Куваев) ранний подъем, завтрак – и в маршрут, а в это время каюр собирает палатки, завьючивает лошадей и перегоняет их на новую стоянку и к нашему приходу опять ставит палатки и готовит незатейливый ужин.

И так изо дня в день.

Но в этот день, как-то сразу все не заладилось с самого утра, ну просто не заладилось и все тут. Каша подгорела, кружка с чаем опрокинулась сама на брюки, да еще дул сильный порывистый ветер.

Почувствовав в обед запах дыма, мы, не сговариваясь, буквально взлетели на невысокий скальный гребень – долина ручья горела и, что хуже всего, горело место нашей будущей стоянки!

Ни лошадей, ни каюра видно не было!

Прошу меня простить, уважаемый Читатель, что я по обыкновению, увлекшись повествованием, не познакомил вас с остальными его героями.

Итак, мы-это две маршрутные пары, состоящие из геолога и рабочего-радиометриста. (Для людей несведущих: радиометр – прибор для измерения радиации горных пород в их естественном залегании. Представлял собой нагрудный аппарат с индикатором и зонд на резиновом кабеле. Не создавал неудобств и дискомфорта, вместе с нелестными эпитетами только находясь в крепко заколоченном длинными гвоздями деревянном ящике).

С Д'Артаньяном я уже успел вас познакомить, но здесь к его облику добавилась одна деталь, без которой полевой портрет был бы неполный.

На поясе его красовался (именно красовался, а не висел) огромный настоящий американский кольт с деревянной ручкой, который он после долгих уговоров выменял у одного деда за спальный мешок, геологический костюм и литр спирта.

В свою очередь дед выменял этот кольт за три литра самогона у пилота на авиационной базе Танюер, служившей во время войны промежуточным аэродромом для перегона самолетов из США через Аляску.

9. Аэродром Танюер. Спустя 15 лет

Эту странную историю поведал мне именно тот дед, продавший кольт нашему герою. Звали его Филипп Егорович.

«Да зови Егорович просто, – ну да, как хочешь», – надтреснутым тенорком проговорил он, выпустив огромный клуб дыма, вынудив при этом из заросшего седой клочковатой бородой рта трубку, которую по виду изготовили до его рождения.

Жил он один в полуразвалившемся домишке на самом краю заросшей взлетной полосы аэродрома Танюер – да-да, того самого, куда при вынужденной посадке вертолета занесла меня нелегкая во время очередной командировки.

Что меня сразу поразило – это с десяток рекламных плакатов на стенах, и все они были американские. Судя по состоянию и оформлению относились, они ко времени Второй мировой войны!

«Да я, Вовчик, почитай всю жизнь и живу здесь. Плакатами интересуешься? Тут раньше метеостанция была при аэродроме-то. Вот сейчас закусим, чем бог послал, и расскажу тебе кой-чего...»

А бог послал, прямо скажем, не густо.

Початая литровая банка с мутной полупрозрачной жидкостью, полбуханки черного хлеба, две луковицы, завернутые вместе с солью в грязноватую тряпицу, и банка «Бычки в томате».

Заметив мой взгляд, он тяжело вздохнул: «Стар я вот стал, обнищал здоровьишком, да и, как говорится, достоянием народным тоже».

Я достал полпалки сырокопченой «Московской» колбасы и банку шпрот.

Обнюхав по-собачьи колбасу, он с укоризною пробурчал: «Что ж ты ее, браток, так долго возишь, а? Она уж высохла вся, да и заплесневела чуток...»

«Так вот, браток, – прихлебывая из кружки с отбитой эмалью, начал он. – Было это аккуратно в октябре 44, да точно в октябре, как сейчас помню... Я тогда в роте охраны служил при аэродроме, а он, аэродром-то этот – не простой, а военный, самый, что ни на есть, военный.

Самолеты с самой Америки прилетали, ну а куда они потом улетали, это, браток, не моего ума дело было. А вот, то, что они привозили – это я знаю! Машины американские грузовые – «Студебеккер» назывались. Сколько их было, того не знаю, а вот три до сих пор здесь стоят, ну понятно, ржавые,

Хочешь утром покажу?

Погода третий день нелетная и пилоты злятся и маются от безделья-то, ясное дело. И вот заявляется ко мне пилот, а зовут его, как меня – Филипп.

Ну что он пришел – это ясно, он уже третий раз приходит, за самогоном, конечно...

Все, что можно выменять, они уже выменяли, и этот самый Филипп с порога отстегивает с пояса здоровенный такой наган – кольт – американский, мать честная...

И показывает мне три пальца в растопырку – 3 литра, стало быть, хочет.

Подумал я, подумал, а я уже выпивши был, дело-то под вечер, вещь она, конечно, в хозяйстве нужная, да и согласился.

Улетел Филипп на следующий день и не видел я его больше.

Провалялся он у меня этот самый кольт лет 20, а может и больше, патроны-то давно кончились. И продал я его геологу одному – Женькой звали.

А лет десять назад зимой это и случилось. Ночь, метель жуткая, темень за окном. Вдруг стучит кто-то в дверь, да вроде как не стучит, а царапается как бы. Ну я отворяю дверь (да в такую погоду хозяин собаку не выгонит) – за ноги мамашу вашу!!!

Филипп!!! Как есть Филипп!!!

И он мне, браток, – хочешь верь – хочешь нет, так спокойно говорит: «Кольт верни, под суд меня отдать хотят, а самогон я принес тебе». Ну, я ему – так, мол, и так, а он молчит и смотрит на меня только, да так, что меня то в жар, то в холод бросает.

И тут меня в такой сон потянуло вдруг, ну прямо вот сплю и все.

Проснулся от холода – мать честная, дверь нараспашку, и уже снегу на порог намело. Ну, понятно, затопил я печь снова да и уснул.

Просыпаюсь утром, глянул на стол и закоченел – на самом краю 3-литровая банка самогона стоит!!!

Так вот я теперь, если не выпью вечером, так и не сплю – все мерещится – стучит кто-то или как царапается, что ли...»

Можно, конечно, списать это на бредовые видения постоянно пьющего человека (что я и решил тогда), но спустя много лет, я снова столкнулся с мистическими явлениями в районе р. Танюер...

10. Жареный каюр (продолжение)

Неразлучный спутник Д'Артаньяна – Стас – всей внешностью напоминал запорожского казака – чуть ниже среднего роста, плотный, с наголо бритым черепом и роскошными светлыми усами, свисавшими ниже упрямого подбородка на скуластом лице со светлыми глазами с монгольским прищуром.

Мое внимание сразу привлекла необычная форма его ушей, а именно неправильной формы хрящ на середине ушной раковины.

Геолога, с которым я делил все тяготы полевой жизни, звали Женя.

Представьте себе молодого Дон Кихота – высокого, нескладного, длиннорукого и длинноногого. Правда, на этом его сходство с героем Сервантеса кончалось, потому что голубые глаза, растрепанные соломенные кудри в сочетании с громадным бесформенным носом (именуемым в народе шнобелем) наводили на мысль, что фамильные владения его простирались в районе Рязани, Вятки или в лучшем случае где-нибудь в Вологде что ли.

Вот он-то и рассказал мне у костерка историю про уши Стаса, взяв с меня страшную клятву, что я не проболтаюсь.

«Лет пять назад это было – точно пять. Я тогда еще в молодых специалистах ходил.

Забрасывали мы лошадей на базу в устье Кедона – я, Стас и каюр (настоящий был – не то что наш). Ждали самолет долго, одним словом, Стас с каюром нарезались, ну каюр еще так сяк, а Стас просто никакой был.

Летим. Стас открывает глаза и говорит: «Пописать надо».

Мы и глазом моргнуть не успели – он дверку самолета открыл и вывалился!!!

Вывалился, да не совсем. Вцепился в крепление лестницы (по которой из самолета выходят) мертвой хваткой! Молчит, глаза безумные и хмеля, как не было!

Мы его тащить – я за руки, а каюр за голову. Кое-как втащили, а вот уши ему каюр надорвал, почти до середины!

Кровь ручьями! Как смогли замотали и этим же самолетом отправили его обратно!

Вот такая, студент, история!

Поклялся – молчок, слышишь?»

Пожар добрался до разлива речки и явно затухал на заболоченном участке, покрытом блестящей на солнце нестерпимо зеленой осокой.

Но ситуация сложилась прямо-таки удручающая – до базы километров 15, обе палатки сгорели, спальные мешки обгорели, а из продуктов остались только обгорелые банки. В пределах видимости не было ни лошадей, ни каюра.

Д'Артаньян задумчиво поправил берет, достал кольт, заглянул зачем-то в дуло.

«По-моему, на ужин у нас сегодня жареный каюр...»

Вот так, всю жизнь...

А сейчас я попытаюсь показать Вам еще одного весьма примечательного персонажа этого повествования – каюра.

Если Вы вспомните дядю Ваню в одноименном фильме (1970) в исполнении Смоктуновского, то получите почти фотографический портрет нашего каюра.

Рост, благородная осанка, борода с сильной проседью (прозвище Борода он получил почти сразу же), мечтательно-созерцательный взгляд больших ярко-голубых глаз.

В людей такого типа (что не раз я позже замечал) обычно до безумия влюбляются женщины всех возрастов.

Несокрушимое здоровье его нарушалось только болезнью печени, главным и наиболее ярким симптомом которой является органически полное нерасположение к любому виду труда.

Болезнь эта мучила его с самого детства и, по всей вероятности, была наследственной.

Впоследствии я очень редко встречал людей, подобных Бороде, которые самым решительным образом не умели (но, главным образом, не хотели) ничего – ну, абсолютно ничего делать.

При приеме на работу он (как и все, что он делал, точнее, не делал) с расстановкой, внушительно заверил, что с лошадьми он с малолетства, всю жизнь с ними.

Первая же попытка показать умение выючить завершилась тем, что все седла вместе с вьюками мгновенно съехали под брюхо лошадей.

Картинно разведя руками, он благодушно-сокрушенно произнес: «Ну и вот так всю жизнь...»

На базу он пришел к концу следующего дня в донельзя грязной, пропахшей потом и дымом одежде, не глядя ни на кого, налил кружку чая, закурил неизменный «Беломор» и произнес, как будто сам себе:

«И вот так всю жизнь...»

11. Непредвиденные обстоятельства

Наличие отсутствия лошадей в обозримом будущем коренным образом изменило методику работы.

Вьючные сумы лошадей и относительные удобства, связанные с этим, заменили тяжелые рюкзаки за спиной, короткие ночи под пологом (просто куском тонкого брезента) да и отсутствие спальных мешков комфорту тоже явно не добавило.

Проходил день за днем, похожий друг на друга, и мы как-то не заметили, что короткое северное лето давно перевалило за середину.

Нет, дыхание осени еще не ощущалось, но внезапно мелькнувший уже ломкий позолоченный лист на осинке, начинающие краснеть гроздья низкорослой горной рябины, вставшие на неокрепшие крылья выводки куропаток неназойливо, но уже в достаточной степени ясно указывали на ее приближение.

Значительно облегчали нашу работу разбросанные еще ранней весной по всей территории своеобразные лабазы – 200-литровые бочки с отрезанной крышкой, которая

держалась на приваренных стальных крючьях, скрученных толстой проволокой. До самого верха емкости были заполнены продуктами: галеты, колбасный фарш, тушенка, сгущенное молоко, чай, сахар.

Подходя к очередной «бочке», Женя вдруг остановился как вкопанный и медленно (как в замедленном кино – нехстати подумал я) поднял изорванную в клочья обертку от упаковки галет «Поход».

Расстегнув кобуру и достав револьвер, он на не гнувшихся ногах двинулся вперед.

Притихший и охваченный внезапным страхом, от которого руки (а, может, и ноги тоже) затряслись мелкой дрожью, я остался стоять на месте.

«Сюда иди!»

Я почти побежал и чуть не упал, споткнувшись об оторванную крышку бочки. Картина, которую я увидел, была ужасающая в своей неправдоподобности.

На вытоптанной поляне размером примерно 5 на 5 метров вперемежку валялись разорванные обертки от пачек галет и чая, втоптанные в землю исковерканные консервные банки, остервенело раскрошенные пачки «Беломора».

Когда я увидел растянутые на длинные скрученные языки консервные банки (жесть на растяжение – мелькнуло в голове), я снова ощутил противную до стыда дрожь.

Впридачу по всей поляне были видны уже подсохшие, дурно пахнущие лужи цветом от буро-коричневого – до, когда-то по-видимому, ярко-желтого цвета.

«Где жрал – тут и с...л...» – угрюмо пробормотал Женя.

12. Главное – не сходи с хребта и считай отроги

Вечером у костерка после необычно скудного ужина Женя хмуро прояснил создавшуюся ситуацию.

«В общем так, Вовчик (за все время он первый раз назвал меня по имени, вместо привычного – студент, что сразу насторожило меня и подчеркнуло серьезность разговора). Продуктов у нас, если на двоих, на 2 дня с напрягом, ну а одному 4 дня протянуть можно... С работой тоже напряженка – из графика давно выбились. Короче, Володя – придется тебе на базу за продуктами идти!»

«Что – одному?!» – вырвалось у меня.

«Да, нет, что ты, да разве я бы тебя отпустил одного? – засмеявшись, успокоил меня Женя. – Пойдете втроем – ты, твоя студенческая сознательность и долг перед Родиной!

Ну, ближе к делу. Выходишь с рассветом. Дойти до базы ты должен к вечеру следующего дня, то есть ночевка у тебя одна. Спать залезай в самую середину стланикового куста – труднее будет достать тебя оттуда».

«Кому достать?» – переспросил я.

«Медведю, вестимо! Да ты не бойся – вряд ли он на тебя польстится, кости-то он не сильно уважает, ну если только с сильной голодухи» – беззвучно рассмеялся он.

«Ну а если ты ему свой тесак* покажешь – он, пожалуй, от смеха и помереть прямо на месте может! Я такие случаи знаю... Вот я еще где-то читал, что если сделать в его шкуре дырку, а потом таким ножом ткнуть туда, то долго он не протянет. Карту я тебе дать не могу, компас само собой тоже. Я тебе нарисовал абрис. Будешь идти все время по

* узкий складной нож.

хребту, никуда не сворачивая (абрис смотри чаще) по правой стороне (где у тебя правая рука?) отроги – считай – твой последний отрог – 18-й, там уже увидишь базу.

Вот палку я тебе вырезал – каждый отрог отмечай зарубкой.

Спички отдай сразу – от греха подальше.

Воду найдешь на альпийских болотцах, пей не бойся – здесь все стерильно!

На хребет я тебя утром выведу.

И вот еще» – он с напускной суровостью достал из рюкзака толстый мохнатый свитер.

«Возьми – ночи наверху холодные... Ну а теперь спать – вставать рано!»

13. Иду по абрису

Хребет с серыми плешинами каменных осыпей и ярко-зелеными куртинами кедрового стланика, казалось, висел в воздухе над плотным молочно-белым туманом, тающим прямо на глазах под лучами рассветного солнца.

Воздух был кристально чист и свеж, как дыхание моей однокурсницы, которую я так и не решился поцеловать перед отъездом.

«Вот вернусь – и сразу...» – подумал я, еле успевая за длинноногим Женей.

На гребне присели – «на дорожку», все уже было сказано.

Молча обнялись, и вдруг Женя отстегнул пояс с наганом в кобуре и протянул мне.

«Барабан – полный. Потеряешь – меня посадят, отсижу и найду тебя, понял?»

Я оторопело кивнул.

«Удачи!» – круто развернувшись, Женя зашагал в противоположную сторону.

Я затянул пояс, переместил кобурку на живот (в каком-то фильме видел), поправил рюкзак и, постукивая палкой, двинулся в путь, воображая себя первопроходцем освоения Севера.

Вскоре перед седловиной, поросшей чахлой, но еще довольно яркой зеленью с поблескивающими на солнце лужицами я сделал первую зарубку на палке.

С шумом вспорхнул буквально из-под ног выводок куропаток и, отлетев на десяток шагов, вытянув длинные шеи, скрылся в траве. Я с наслаждением попил ледяной, немного отдающей торфяной горчинкой воды и бодро зашагал дальше.

Один отрог сменялся другим, увеличивая число зарубок на палке. На высоком гребне, облюбовав густой куст стланика я решил передохнуть под ним и незаметно задремал.

Проснулся я как от толчка (вековой инстинкт предков?) с чувством, что кто-то пристально смотрит на меня, но прямо перед собой я никого не увидел. Я отодвинул густую ветку...

На меня в упор смотрела страшная косматая морда с янтарно-желтыми глазами и огромными ребристыми рогами.

Своего крика я не услышал, но скулы мгновенно свело судорогой и дыхание перехватило. Зато я увидел, что глаза чудовища стали медленно увеличиваться, вылезая из орбит.

Сколько длилась эта встреча, я не помню, но в реальность ее я поверил, услышав отдаленный дробный стук копыт по камням.

Ну, конечно же, это был снежный баран и кто испугался больше – это еще как сказать!

Остаток дня прошел без приключений.

Смеркалось. Густо-синие тени-предвестники ночи уже гнали прочь отсветы лучей заходящего солнца, закрывая отроги, долина далекой реки уже представлялась сплошной темной лентой, сквозь которую прорывались едва угадываемые вершины тополей.

Заметно похолодало. По совету Жени я выбрал самый густой куст стланика, перекусил, запив заметно нагретой водой из купленной во Владивостоке армейской фляжки, подложил под голову рюкзак, закутался в свитер и мгновенно уснул.

Разбудил меня прорвавшийся сквозь пахучие смолистые ветки теплый солнечный луч. Проспал – да как же...

Вскоре я, уже хрустя тонкой сланцевой плиткой под сапогами, отмечал очередной отрог.

14. Неожиданная встреча

Впереди за затяжным пологим подъемом виднелась плоская вершина, поросшая редкими кустами стланика.

«Там и передохну» – решил я.

Подъем оказался более затяжным, чем представилось вначале – крутые каменистые взлобки сменялись пологими островками альпийских лугов разнотравья и я, надо сказать, порядком подустал пока, наконец, поднялся на вершину.

«Ну, вот за тем кустом и передохну!»

Обойдя куст слева я, в буквальном смысле этого слова, остолбенел. Бородатый, голый по пояс мужик что-то стирал в оцинкованном тазу, стоящем на раскладном стульчике.

Еще до вылета на базу я узнал, что в радиусе 400 км не будет ни души.

«Мираж», – почему-то пришло мне в голову.

Впрочем – откуда здесь мираж-то возьмется.

Я еще раз выглянул из-за куста.

Мужик уже заметил меня и, вытирая на ходу мокрые руки о брезентовые штаны, шел навстречу.

«Да, выходи, не бойся, – пробасил он и протянул крепкую еще влажную ладонь. – Станислав Сергеевич – можно просто Стас».

Через пять минут я уже прихлебывал чай с сахаром вприкуску за раскладным столиком возле небольшой палатки, за которой стояли закрытые чехлами какие-то приборы на высоких треногах.

Стас рассказал мне, что он инженер из службы астрономогеодезии и их, посменно, забрасывают вертолетом на вершины для наблюдения за звездами (один час ранним утром и один час поздно вечером).

Услышав знакомый термин, я поспешил сообщить ему, что я безошибочно могу отличить теодолит от нивелира.

Он похвалил мои «глубокие» познания, попутно заметив, что далеко не каждому это под силу, и пустился в пространные объяснения по поводу различий геодезии и астрономогеодезии, но, увидев мои потускневшие глаза, резко сменил тему.

«Ну, давай посмотрим, сколько тебе еще топтать осталось», – и развернул карту.

«Так, еще километров 12, к вечеру будешь на месте! А то смотри – завтра будет вертолет, заброшу тебя, тут лету 5 минут! Чудак – звезды посмотришь. На всю жизнь запомнишь!»

«Нет, спасибо большое – пойду!» С огромным трудом удержался я от соблазна.

Он потрепал меня за плечо, зачем-то потрогал кобуру нагана:

«Легкой тропы тебе, геоложонок!»

Солнце еще только собиралось спрятаться за высокую гору на горизонте, а я уже увидел внизу знакомые палатки базы.

15. Каприз художника!

Из-за стола под брезентовым тентом навстречу мне с шумным удивлением поднялись Завхоз и Борода с распаренными красными лицами.

«Да ты откуда, Вовчик?? Да еще с наганом! В баню давай – все остальное потом».

Через час я уже запивал холодным ягодным настоем свежеподжаренных хариусов, а потом все вместе долго пили чай с лепешками, макая их в невероятно вкусное варенье из жимолости.

Докурив неизменный «Беломор», Борода, сославшись на «тяжелый» день, побрел к палатке, а мы перешли к кострищу, умело обложенному небольшими валунами.

«Поговорим, Вовчик? Я видел, как ты шептался с начальником относительно меня.

Так вот – я не вор, в твоём понимании, хотя, не обижайся, что ты можешь понимать в этом вопросе. В общей сложности, несмотря на заветы учителя моего и наставника – Остапа, чтить уголовный кодекс, тюрьмы избежать не удалось, а вот от суммы пока бог миловал.

Профессию мою сложно охарактеризовать одним словом, хотя с большой долей вероятности ее можно было бы определить так: “Изъятие законными способами излишних денежных средств, нажитых нечестным путем у предприятий и организаций”.

Прошу заметить, что Александр Михайлович Пожарский никогда не опускался до банальной кражи, даже в самые трудные периоды жизни, как правило, сопряженные с отсутствием денежных средств, что не раз подтверждало непреложную истину – денег или нет – или их совсем нет!

Моя стихия, Вовчик – это крупные аэропорты, гостиницы, кабинеты, обставленные импортной мебелью, выезды “на природу”, нередко с весьма сомнительными гражданами.

Лучше всего, конечно, действовать через женский пол, тут главное – не заиграться, то есть вовремя и красиво расстаться, потому как обиженная женщина – непредсказуема!

Внешностью меня бог, как ты сам видишь не обидел, да не главное это – запомни, Вовчик! Женщины (в большинстве своем образованные) ушами любят!

Когда ты в разговоре, как будто невзначай – а вот у Марселя Пруста ... или пару строчек из Бодлера, Валери (не опускайся только до Асадова, Риммы Казаковой – избито это, про Есенина забудь тоже) – и все, дальше, как говорят, дело техники.

При беседе с женщиной никогда не отзывайся хорошо, а уж тем более не хвали других женщин, даже ее лучших подруг.

С твоей внешностью сложновато, конечно, будет с женщинами, но не безнадежно!

Учись каждый день – литература, поэзия, музыка, живопись, речь оттачивай! Это, в первую очередь, для тебя самого, а уж потом для других, ну и женщин тоже. Старайся почувствовать собеседника, учись слушать, старайся разговорить его.

Запомни – чем больше ты о нем узнаешь, тем проще тебе будет общаться.

Никогда! Слышишь! Никогда не показывай, что ты умнее и образованнее, но дай понять по мере беседы, что ты в теме, а иногда и с видом знатока, сделай короткое замечание. Обязательно подчеркни при этом, что это твое личное мнение, не претендуя, ни в коем случае на истину в последней инстанции.

Не строй беседу по принципу:

“Да что мы все обо мне, да обо мне – давай про меня!”

Когда двое принципиально спорят – храни молчание, не принимай ничью сторону.

Когда заспорили с тобой – уступи, по возможности, сохраняя достоинство.

Никогда не давай советов, потому что их спрашивают только для того, чтобы не следовать им, или обвинить советчика потом во всех грехах.

Если уж настойчиво просят – скажи:

«Я бы, не ручаюсь, конечно, но вероятно сделал бы так...»

«Как-то так, Вовчик...»

Я буквально впитывал все это и, как оказалось, во многом Завхоз был прав.

«Подожди» – и он вернулся с уже знакомым мне фибровым чемоданом, из которого извлек объемистый пакет, развернув его жестом фокусника.

У меня зарябило в глазах от обилия различного рода документов, удостоверений, дипломов.

«Вся моя жизнь» – неожиданно, как-то невесело произнес он.

Я стал перебирать документы и остановился, раскрыв удостоверение капитана госбезопасности.

«Все подлинные, – поспешил заверить меня он – только фотография моя!»

«Александр Михайлович, а какое самое крупное, ну, так сказать, дело у вас было?»

Он заметно повеселел.

«Я тогда председателем крупного совхоза на Кубани был. По договору должен был поставить 4 вагона свежей капусты в Кемерово, побаловать сибиряков, значит, капусткой свежей.

Как ты, я надеюсь, правильно понимаешь, ни один человек в этом совхозе даже не подозревал о моем существовании!

Комбинат перечислил мне деньги в двойном объеме понимаешь? Нет?

Вернуть я должен был наличкой им половину суммы. Откат это называется!

Загружаю я 4 вагона и сопровождаю их до Новосибирска, а там у меня все схвачено.

Составляем акт, что капуста ввиду жаркой погоды и простое в пути сгнила и испортилась.

По распоряжению санэпидстанции (акт прилагается) гнилая капуста была вывезена на городскую свалку (акт приемки и путевые листы водителей прилагаются).

Свалка, само собой, горит и обгорелый капустный лист на ней, конечно, имеется (лично проследил, чтобы в грузовиках и на свалке следы остались).

Возбудили дело, само собой, а я уже в Калининграде на комбинате начальником отдела снабжения работал, но это уже совсем другая история».

«А как там в тюрьме, ну вообще, как живут там???»

Он сразу поскукнел и даже, мне показалось, немного сгорбился.

«Точнее все-таки будет – на зоне, а не в тюрьме и не живут там, Вовчик, а как бы проживают некий отрезок жизни и все по-разному, только они с виду как люди, потому что прежними оттуда никто не выходит.

Такие, как я, по понятиям в зоне, в “честных фраерах” ходят, без особого уважения, но и не прессуют нас, потому что законы (куда же без них и там) мы уважаем, к ворам (или к блатным) не примыкаем, да и мало нас таких, а я вообще особняком ходил и больше уважения имел.

Читал много – библиотеки там просто шикарные, а вот людей, от которых можно было что-то взять, не встретил – не повезло...

Не дай бог тебе, конечно, когда-нибудь попасть (хотя зарекаться нельзя), но если вдруг, то запомни следующее:

Постарайся не сломаться – иначе пропадешь.

Не верь, не бойся, не проси, смотри внимательно за всем, что видишь и чувствуешь.

И вот еще – там ничего не меняется, и как время бежит, не замечаешь, а вот на воле, пока ты там, многое может измениться – люди, женщины, цвета, запахи, понятия..

Не каждый привыкнуть может, а многие и не привыкают.

В особенности к тому, что раньше ты был кем-то, а теперь вроде как погулять вышел.

(Через много лет в 1995 году, сидя в маленьком уютном кафе в центре Днепропетровска за чашкой чая с вором в законе Алексеем Васильевичем с погонялом Молчун, я услышал то же самое. «Столько лет прошло, а многое так и осталось у них прежним» – подумал я тогда.)

«А как вы у нас оказались-то?»

Он весело рассмеялся.

«Можешь считать это капризом художника. Пересидеть надо было немного, да и отдохнуть на природе захотелось!»

«Еще вопрос можно?»

«Давай!»

«Александр Михайлович, а вы в бога верите?»

«Хочешь спросить хожу ли я в церковь?»

Много лет назад старый немецкий еврей Сидней Нордхаузер сказал мне:

“Что я вам хочу сказать, Саша, – если вот тут бога нет – и приложил руку к сердцу, – абсолютно неважно, куда пойдешь: в синагогу, мечеть, церковь, храм буддийский – не услышит никто тебя, не старайся!”

Он помолчал:

«А иногда так хочется, чтобы услышали...»

Рано утром я с тяжеленным рюкзаком уже карабкался по отрогу хребта и к концу вторых суток (без всяких приключений) издали увидел фигуру Женьки.

16. Гуси (дико-домашние)

Вот и кончилось северное лето, просто скатилось на юг, как скатывается рыба с глубоких плесов и перекатов вниз к зимовальным ямам. Как будто от утреннего холода задрожали редкие осинники предгорий, пытаясь удержать на хрупких ветвях своих проржавевшие листья, словно не желая терять разменные монеты осени.

Ночью, таясь, осень сгребает их в кучи не сортируя, а утром мот-ветер, не зная или не желая знать им цену, раздувает и разбрасывает их по потемневшей траве.

Беспомощно поникли ветви прибрежных тополей, стыдясь своей неприкрытой беззащитно-трогательной наготы.

На фоне тронутых желтизной крон лиственниц изумрудно-зеленые куртины стланика вдруг качнулись от ветра, будто испугавшись кроваво-красной россыпи брусники.

Ярко-желтые гроздья горной рябины на альпийских лугах вспыхнули, как стоп-сигналы во время автомобильной «пробки» на широкой улице.

Застывшие на темно-синем прозрачно-бездонном небе облака вдруг показались мне кучами небурного смерзшего снега на автобусных остановках, напоминая об идущей с севера зиме.

Раскатистое эхо выстрелов, еще кажется вчера звучавших орудийными залпами, как по команде смолкло, уступая место тишине уже заметно прохладных звездных вечеров. Вчера за столом собрались после непременно бани все маршрутные пары.

Еще один сезон закончился.

Отлучившийся с таинственным видом Д'Артаньян появился с рыболовным сачком, в котором, поблескивая каплями воды, лежало 4 бутылки «Столичной».

Сидевший на скамье с краю незнакомый мне высокий плотный человек с ассирийской бородой и очках прогудел: «Присоединяюсь» – и принес из палатки бутылку армянского коньяка с тремя звездочками.

«Как говорят у нас в Азии, Алаверды», – и завхоз бережно поставил на стол коньяк «Двин»!

Беседа затянулась далеко за полночь. За столом я узнал, что человек с ассирийской бородой – уже известный ученый – Кирилл Владимирович Симаков, прилетевший на неделю проверить некоторые положения своей докторской диссертации.

Завтра вертолет должен был его забрать.

Проснулся я под утро от двух не вполне трезвых голосов, старающихся перекричать друг друга.

Выглянув из палатки, увидел почти касающихся лбами Симакова и Завхоза, о чем-то ожесточенно споривших и поминутно ворошивших груды бумаг на столе.

Часов в 11 утра прилетел вертолет и, тепло простившись со всеми, Симаков улетел.

Улучив момент, я спросил Завхоза, о чем они до утра спорили.

«Да не прав он, по разрезу триаса здесь – ну я его под конец добил аргументами и согласился он со мною, а куда деваться-то – против фактов не попрешь!!» – весело рассмеялся он.

«Так вы что – доктора наук по геологии переспорили??» – с трудом выговорил я.

После вчерашнего застолья кто-то с бисеринками пота на лбу хлебал уху с налимьими печенками, другие отпивались ягодными настоями и травяным чаем.

Благолепие было нарушено утробными криками: «Люди!! Люди!!» – из высокого куста ольхи с шумом вывалился... Кирилл Владимирович Симаков! Но в каком виде!!

Неимоверно грязный от налипшей болотной жижи, стекающей вниз по брюкам, одного стекла на очках не было, другое было залеплено грязью, борода торчала куском темно-бурой тины.

Возле стола последние силы покинули его, глаза закатились, рот беззвучно открывался и закрывался...

Большой глоток спирта из мензурки, принесенной Д'Артаньяном, привел его в чувство, и, оглядев всех уже осмысленным взглядом, он прохрипел: «Вертолет в болото упал...»

Выслушав его сбивчивый рассказ, поминутно прерываемый явно несвойственными его речи междометиями, мы поняли, что пилоты увидели крупного быка-лося, решили его подстрелить, зацепились хвостом за дерево и упали в болото и что все живы без повреждений.

Судя по лицам окружающих, дело было серьезнее некуда, а до сеанса радиосвязи оставалось чуть больше полутора часов.

И тут, неожиданно для всех, раздался уверенный и спокойный голос Завхоза. Его рубленые, четкие (казалось – выверенные заранее) фразы складывались в спорную, но, как ни странно, единственно приемлемую версию или, другими словами, легенду событий.

«Времени для разговоров, я уже понял, у нас нет, а, значит, делаем так. Борода – иди топи баню.

Кириллыча (так он называл Симакова после ночи, прошедшей в спорах) в вертолете не было.

Вертолет полетел вместе с Женой вывозить студента, подвернувшего ногу при выходе на базу. Ногу тебе, Вовчик, забинтуем завтра. Объяснять причину аварийной посадки для следователя беру на себя. Сейчас надо летунов на базу вывести с ружьями и сообщить об аварии по связи.

«Дождь с вечера и на завтра будет – вынув «Беломорину «изо рта, как всегда благодушно пробасил Борода – я никогда не ошибаюсь, всю жизнь вот».

«Там, это... – подал голос Кириллыч – бык этот – сохатый в озерке лежит, рядом с вертолетом».

На миг наступила мертвая тишина.

«И что теперь?» – растерянно спросил Женька.

«Так что, иди надо!» – убитым голосом ответил Кириллыч.

«Тогда выходим все, ножи, топор и рюкзаки старые, которые не жалко выбросить, берем с собой», – уверенно произнес Завхоз.

«Вам, Евгений Фёдорович, нужно остаться – выйти на связь и все сказать, как договорились!

«Далеко идти, Кириллыч? Далеко я спрашиваю??»

«Да, идти надо! Километра три, может, чуть больше» – будто очнувшись, неуверенно откликнулся тот.

Идти оказалось километров пять – не меньше по болотистой кочковатой долине. Вертолет мы увидели издали, по косо торчащему хвосту с обрубленным винтом.

«Это уметь надо, – присвистнул Женька – на 100 метров вокруг – единственное дерево и именно за него зацепиться!»

Метрах в 50 от вертолета в небольшом озерце торчали огромные лопатообразные рога! Поздно вечером уже по темноте, груженные мясом, тщательно зарыв в мох останки лося, мы приплелись на базу. Вопреки «100 %» прогнозам Бороды, погода выдалась на редкость солнечная и вертолет с комиссией прилетел даже раньше, чем мы его ждали.

Среди летных чинов в новых и потертых кожаных куртках, белой вороной выделялся молодой человек в строгом темно-сером костюме с блестящим университетским значком на лацкане.

«Следователь Ухтомцев», – коротко отрекомендовался он, не подавая руки, словно бы обозначив дистанцию.

«Итак приступим.

Попрошу всех по очереди подходить к столу». – И он достал из портфеля внушительную кожаную папку.

Надо сказать, что легенда, заученная всеми, выглядела достоверно, как и моя забинтованная нога и умело вырезанный завхозом костыль.

Закончив дотошный допрос всех без исключения, он коротко скомандовал:

«Летим на место происшествия!»

Через час комиссия вернулась.

Брюки следователя вместе с рукавами пиджака представляли собой буро-грязную тряпку, издававшую сильный запах болотной тины.

«В Шерлока Холмса играет, раза три лупу и рулетку доставал», – прошептал сидящий возле меня пилот.

«А теперь, повторите еще раз, гражданин Грязнов, – обратился следователь к пилоту, – что явилось причиной для попытки совершить вами незапланированную посадку, повлекшую за собой крушение воздушного судна с риском для жизни вверенных вам пассажиров?»

«Еще раз повторяю, что я увидел на болоте, далеко от базы человека, махавшего чем-то белым, и решил снизиться, но из-за резкого порыва ветра зацепил хвостом за лиственницу».

«Хорошо, а вы, гражданин Пожарский, утверждаете, что это вы находились в этот момент в указанном пилотом месте и махали белой шляпой, именуемой в протоколе накомарником?»

«Именно так все и было!»

«А теперь самое главное – что вы делали на болоте, да еще (он заглянул в папку) в 5350 метрах от базы?»

«Так у меня гуси там, я еще с лета крылышки им подрезал и что-то вроде фермы сделал, они по осени-то жирка набирают – полезный он очень, рекомендую, если не знаете».

«Гуси?.. Какие еще гуси?? – растерянно захлопал глазами следователь. – Я никаких гусей не видел! А вы, товарищи??»

«Так вы, гражданин следователь, еще бы на танке к ним подъехали... Гусь – он птица нежная, шума не любит и обхождения с собой особого требует».

«Да-а гуси... это новый поворот в следствии», – глубокомысленно при общем молчании задумчиво произнес следователь и захлопнул папку.

Еще через час вертолет улетел, увозя пилотов и Кириллыча.

Едва умолк шум винтов, Д'Артаньян шумно выдохнул:

«Давай, Александр Михайлович, прояви все таланты – жарь, парь, туши мясо, котлеты делай, по такому случаю НЗ не грех употребить!»

«Ну, давайте за гусей, что ли...» – был его первый тост за столом, заставленным отменно приготовленными мясными блюдами.

Проснулись все утром от почти нечеловеческого крика, в котором никто бы не распознал голос обычно сдержанного Д'Артаньяна!

«Убью!! Всех перестреляю! Всех! И пусть судят!!! Убью! Ах, сволочи!!!»

Стоя возле палатки, он щелкал пустым затвором карабина в сторону ручья. На другой его стороне стояли... наши лошади, весело и дружно помахивая хвостами, отгоняя насекомых с заметно округлившихся лоснящихся на солнце боков!! Все шесть лошадей, которых нам так не хватало весь долгий сезон. Через неделю мы были уже на базе экспедиции.

Завхоз сошел с самолета самый первый, сославшись на необходимость в туалете. Никто не обратил внимания, что уже не раз упомянутый фибровый чемодан он прихватил с собой. Больше его никто не видел. Выражаясь языком бульварно-авантюрного романа, он «возник из ниоткуда и ушел в никуда». Прощаясь, Д'Артаньян протянул мне конверт с надписью: «Володе», и еще раз пожав руку быстро пошел к зданию аэропорта. В конверте были деньги – 224 рубля 38 копеек – и короткая записка: «Уверен – ты выберешь правильную дорогу! Завхоз» Это была его зарплата за сезон.

И вот – общежитие, радостно-возбужденные лица однокурсников, наперебой рассказывающих о рыбалке, медведях, студентах... Но почему вдруг я (заядлый рыбак и охотник) слушаю это отстраненно, кивая невпопад и некстати улыбаясь (хорошо, что этого никто не замечает). А я думаю о людях, общение с которыми изменило меня, и о том, что прежним я уже не буду никогда. И мне почему-то не хотелось сейчас рассказывать об этом друзьям...

ВОТ ТАК ВОТ

«Вот так вот» – так называло его великое множество людей, большинство из которых не знало, да, наверное, и не задумывалось о его настоящем имени. Аркадий Конёнков (Аркаша – для ограниченного круга людей, которых с большой натяжкой, можно было считать его друзьями) был человеком из другого времени; времени, когда настоящая мужская дружба ценилась выше сверхдлинных рублей; времени, когда с шурфовщиками начальник экспедиции здоровался за руку и называл по имени-отчеству; когда палатка с раскаленной печкой могла вполне сойти за пятизвездочный отель – времени Дальстроя, о котором мы читали в книгах Куваева и иногда с удивлением обнаруживали в старых отчетах подпись: инженер–капитан М. Городинский.

Настоящие друзья его в том далеком прошлом, воспоминания о котором оставались единственным смыслом его жизни. Как и откуда он появился на поселке, не мог вспомнить никто. Лаконичная запись в трудовой была датирована 1969 годом с основательно затертым названием давно не существующей организации.

Он никогда не рассказывал, имел ли он семью, детей, будучи верным традициям Дальстроя, никогда не критиковал власть и начальство, никогда и ни о ком не говорил плохо, но высшей степенью похвалы с его стороны было только «Анатольевич – это был Человек». Он никуда и никогда не выезжал, даже в город. И я думаю, что Территория являлась для него тем единственным на земле местом, где человек обретает счастье и покой; местом, которые мы все подсознательно ищем всю жизнь, ищем и так и не находим, постепенно привыкая к местам обитания, воспринимая их, как данность. Я испытывал к нему искреннюю симпатию, и он в той мере, которой мог, отвечал мне тем же. Нередко он приходил ко мне, почему-то не раньше 11 вечера: «Анатольевич – у тебя есть? Займи, пожалуйста». Ровно в 6 утра следующего дня он будил меня звонком в дверь «Анатольевич – я вчера брал у тебя. Деньги вот принес». Бессменный сторож на всех зимних базах он помнил и с удовольствием рассказывал истории о событиях и людях – истории, каждая из которых могла быть сюжетом увлекательного рассказа.

Иногда, теряя временные рамки, он вспоминал: «Анатольевич, а помнишь в 1947 на Пучевееме?» Или «Я уже начинаю забывать, Анатольевич, ты с Энмываамской базы вывозил меня в пятьдесят втором или третьем?» И я, родившийся в 1948, серьезно кивал и поддакивал.

Последний раз я видел Аркашу перед отъездом с Чукотки, посетив базу партии на Срединных озерах. Из балка, над которым курился синеватый в морозном воздухе дымок, выскочил с отчаянным визгом лохматый пес, проваливаясь в снег и делая немислимые прыжки, устремился к нам. На пороге балка появился Аркаша в меховой безрукавке и, близоруко сощурившись, оглядел нас.

– Ты, что ли, Анатольевич?

– Я, я, Аркаша! А что это с псом?

После паузы, он а своей манере, ответил:

– Как, что? Людям обрадовался, наверное. Здравствуй, Анатольевич, проходи.

Он нисколько не удивился нашему приезду, как будто мы расстались только вчера. Я осмотрелся. От балка аккуратно прочищены веером четыре дорожки: к туалету, бане, складу и сбоку к угольной куче. В балке по обыкновению чисто, тепло, на длинных полках кипы подписок: «Наука и Жизнь», «Знание – Сила» (других журналов Аркаша даже в руки не брал), в углу на полке потрескивает старенький ВЭФ.

– Ну, что Аркаша, чайку?

И только тут почувствовал знакомый каждому тундровику запах вареного оленьего мяса.

– Да ты, никак с мясом?

– Вчера приходили черномазые. «Аркаска, я тебя узнал», – передразнил он.

– И здесь нашли, вот так вот.

Мы стали выгружать на стол привезенную снедь, свежие овощи, колбасу.

– Анатольевич, баня готова.

– Да ты что?

После 13 часов тряски на вездеходе по тундре это было сравнимо лишь с райским наслаждением, если оно, конечно, существует. После бани, сытного ужина, ну и, разумеется,

бутылочки, при свете керосиновой лампы под потолком и едва заметном сладковатом запахе угля, тлеющего в чугунной печке, разговор незаметно перешел на Город, Москву, Крым, Сочи и другие места. Вдруг краем глаза я увидел мутную слезинку на его щеке, которую он неуклюже попытался смахнуть незаметно для нас. Может, он видел перед собой свои молодые лета, о которых всегда плачет тот, кто хотел бы всю жизнь прожить молодым. Наутро мы уехали. Аркашу я больше никогда не видел.

Легких снов тебе, Аркаша, в заоблачной стране вечно цветущей Тундры, обнять там старых друзей, снова увидеть долины северных рек и палатки баз на их берегах.

«Вот так, вот»...

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ КОНЦЕПЦИИ

Очередной день конца мая опять не принес на Поселок частицу долгожданного весеннего тепла. Низкие, грязно-серые тучи отдавали промозглой сыростью со срывающимся с их окраин редкими мокрыми хлопьями снега. Тем удивительнее был неожиданный прилет вертолета, спешно выкинувшего на площадку мешки с почтой, десяток «банок» с кинолентами и одного пассажира.

Пассажир этот был одет явно не по погоде: потертый, темно-серый плащ, когда-то называвшийся габардиновым, шарф, по образному выражению великолепного Остапа, румынского оттенка, фетровая шляпа с большими полями, явно видевшая лучшие времена, и немного стоптанные ботинки ленинградской фабрики «Скорород». В одной руке он держал портативную пишущую машинку в облезлом чехле, в другой у него ничего не было. Убедившись, что его никто не встречает, он уверенно зашагал к Поселку, старательно обходя подмерзшие с ночи лужи.

Телефонный звонок оторвал меня от нудного, выматывающего душу, разговора с Серёгиным – бригадиром бригады импортных тяжелых бульдозеров «International Harvester» и, конечно, касающийся, по его мнению, чудовищно несправедливо закрытых нарядов.

Звонил начальник отдела кадров Михаил Иванович; по-своему, весьма уважаемая личность на Поселке. Уважение он заслужил тем, что мог в обеденный перерыв выпить две бутылки коньяка и продолжать работу, как говорится, «ни в одном глазу», а также знаменитой настойкой, которую он регулярно приносил в трехлитровой банке на все праздники, и которая являла собой спирт, разведенный водкой, настоянный на сушеной малине и черном перце.

– Зайди, Анатольевич, тут по твоей части.

Так я впервые встретился с героем моего рассказа – Гелием Михайловичем Воллонтей – так он церемонно представился.

– Ты только посмотри, Анатольевич, 38 мест работы за последние 5 лет!

Я перелистал трудовую книжку, больше похожую на антикварное издание, геолог, техник-геолог, разнорабочий, внештатный корреспондент трех или четырех захолустных районных газет, рубщик мяса, парикмахер.

– Прошу меня простить, но, кажется, в нашей стране, это не запрещено законом, не правда ли? – вежливо, с легкой иронией, поинтересовался он.

– И вот еще. – И он учтиво протянул мне красную кожаную книжицу: диплом с отличим МГРИ от 1965 года, с той же иронией, как искра, блеснувшей в цепком колючем взгляде. Он сразу мне не то, чтобы понравился, а как бы заинтересовал, что ли.

– Ну, идите устраивайтесь в общежитие, получайте спецодежду и прощу ко мне. Кстати, а где ваши вещи?

– Вещи? – удивился он. Да, вроде все при мне. А, душ, кстати, в общежитии есть? А то, я знаете, с дороги.

Я отвел его в «санбыт» – круглосуточный душ для горняков и буровиков, принес из дома пару своих рубашек, белье, которое он надел, по-моему, даже не заметив, что это чужое.

Я определил его документатором на буровой. Коллектив документаторов составляли, преимущественно девушки-техники, многие из которых уже ощутили суровую прозу жизни Поселка. Их бесконечно забавляло и удивляло обращение его к ним на «вы», а когда он обратился к одной из них «сударыня», с ней случилось что-то подобие шока, а после того, как он с блеском прочитал на вечере несколько стихов «шестидесятников», наши «сударыни» стали относиться к нему с большим уважением и даже подменяли его на ночных дежурствах.

Он был в высшей степени энциклопедически образованным человеком, буквально во всех областях. Как-то я застал его за изучением справочников почтового работника и железнодорожных тарифов.

Пил он мало и, на удивление, быстро пьянел. Однажды зимой он заглянул на «огонек» в здание ГПП, и засидевшиеся на «работе» ребята слегка угостили его. Около 11 вечера он распрощался и, по его словам, отправился в общежитие. Утром одна из «сударыней» под дружный смех рассказала, что в 3 часа ночи, после настойчивого звонка, она увидела на пороге совершенно заиндеветшего Гелия Михайловича, который еле шевеля замерзшими губами выговорил:

– Отведи меня, пожалуйста, домой, я не знаю, где я живу!

4 часа он бродил по заметенному снегом Поселку.

На третий день пребывания в Поселке он с нескрываемым недоумением, спросил: «Анатольевич, у вас что в библиотеке нет ни одной книги на французском и английском?» Я с совершенно серьезным видом ему ответил, что в Горловке, Макеевке и особенно в Кадиевке читают только свежие газеты на этих языках и не проявляют большого интереса к Полю Валери и Бернсу в оригинале. Тогда он спросил меня, какими языками я владею, кроме русского и матерного. Я прополоскал рот двумя десятками английских фраз, после молчания он спросил, на каком это языке. Сам он в совершенстве владел английским, французским и немецким, по словам школьного учителя и попавшего, по случаю, корреспондента областной газеты.

Большую часть зарплаты он тратил на подписные издания от «Иностранной Литературы» до «Звезды Востока» и нередко, поймав меня в коридоре, не выпуская неизменного «Беломора» и откручивая пуговицу на моем пиджаке, мог спросить: «Ну что, коллега, вы думаете о романе “Альтист Данилов”? А?» Он знал невероятное количество стихов, был знаком со многими «шестидесятниками»: Вознесенским, Рождественским. Свои стихи он читал крайне неохотно, но одно, правда, не все, я запомнил:

Я купался в заливе Креста,
Только зубы стучали б.р.р.р,
Может быть, потому неспроста
Ты письмо зачитала до дыр.
Я купался в заливе Креста,
Вспомнив бедную кузькину мать,
Может быть, потому неспроста
Ты так любишь меня обнимать.

Обладая острым аналитическим умом, он, несмотря на ограниченность информации в силу его должности, довольно быстро разобрался в строении месторождения и предложил свою, довольно оригинальную, его модель. Оформив все это в виде готовой статьи, отправился к главному геологу, заканчивающему к тому времени кандидатскую. Я встретил его поздно вечером в конторе ГГП.

– Итак коллега, предложенная мною модель, как я и ожидал, совершенно не укладывается в прокрустово ложе концепции, разработанной им. Десятки раз прав поэт: пророков нет в отечестве своем, да и в других отечествах не густо.

Вскоре он уволился. Перед отъездом я пригласил его к себе домой. За чаем, слегка захмелев, он рассказал, что вырос в семье потомственных московских интеллигентов: отец – профессор философии, мать – профессор-гинеколог, забавно пошутил (задолго до В. Жириновского) про свою национальность: «Отец имеет ирландские корни, а мать – гинеколог, и говорят, что Воллонтэй в детстве тоже был еврей». От родителей ему осталась огромная московская квартира в сталинском доме на Котельнической набережной с высотой потолков 4 метра, и оставшаяся от деда библиотека, в которой были книги с автографами Ахматовой, Цветаевой, Гумилева, от деда же остался альбом с карандашными этюдами Коровина и Серова.

На следующий день я оставил его на вертолетной площадке – одинокого человека в плаще, фетровой шляпе и с пишущей машинкой в левой руке. Больше мы не встретились.

Спустя много лет, уже в 90-е, я позвонил в бронзовый звонок на высокой двери из темного дуба. После долгих расспросов открыла весьма ухоженная, довольно молодая, женщина в красивом дорогом халате. На мои вопросы она ответила, что уже давно эту квартиру купили у хозяина какие-то люди, а потом продали ее моему мужу – владельцу одного из московских банков. Спустя некоторое время приходил какой-то немолодой и очень неопрятный мужчина и спрашивал про какие-то книги. Я сказала ему, что люди, у которых мы купили квартиру, вывезли абсолютно все и даже выломали решетку из декоративного камина. Он церемонно извинился и собрался уходить, я предложила ему немного денег:

– Ну, что вы, сударыня, – с грустной усмешкой ответил он и аккуратно прикрыл за собой дверь.

А Я ЕЕ ЛЮБЛЮ

Ну, что встали, вяжите, вяжите его,
Чай, не выбьет стены головою...

С. Есенин «Пугачев»

Иван Васильевич был типичным замом экспедиции, в меру наговатым, в меру вороватым и уже нисколько не напоминал легендарных замов из некогда всеильного клана замов Территории, таких как Билан, Казак и другие, обладающие в свое время практически ничем не ограниченной властью. В их полном распоряжении были вертолеты с неучтенными полетными заданиями, десятки практически новых, но уже списанных балков, емкостей для горючего, тракторных саней, палаток и много другого, они с умопомрачительной легкостью оперировали такими категориями, как бочки сырокопченной колбасы (многие из читающих эти строки не знают, что сырокопченая колбаса «Московская» и «Столичная» хранилась в бочках в вертикальном положении, засыпанная специальными опилками), бочонками красной икры, копчеными оленьими языками, ящиками армянского коньяка «Двин», нельмовыми балыками и прочей снедью, ни в коей мере недоступной простому геологу, да и не простому тоже. Мелкой разменной монетой служили им дубленые полушубки, летные унты, волчьи спальные мешки, 20-литровые бутылки спирта... Да, помнят старожилы их, дорогой Читатель, помнят...

Не тянул Иван Васильевич на такого зама, мелковат был и, наверное, не заслуживал бы места в нашем повествовании, даже учитывая его прозвище «Альян», которое он получил за регулярно произносимое им слово «Альян» вместо «Альянс!», если бы не одно знаковое событие, произошедшее зимой 1984 года.

Я тогда служил начальником ГГП. Все повествования о Территории были бы неполны без пояснений такому понятию, как ГГП. В самом простом смысле – это геолого-геофизическая партия. На самом деле это уникальное геологическое сообщество, присущее только экспедициям Севера и возникшее во времена Дальстроя, ГГП существовало во всех, без исключения, разведочных экспедициях и объединяло все геолого-съёмочные тематические, картосоставительские партии, поисковые, геохимические и геофизические отряды, являясь, по существу экспедицией в экспедиции, со своими главным геологом, плановиками, нормировщиками, завхозами, различной техникой, в том числе и тяжелой, как правило, ГГП располагалась в отдельном здании, на достаточном удалении от конторы. Подчинение главному геологу экспедиции было чисто номинальным и он, как и начальник экспедиции, крайне редко заглядывали сюда. В фойе стоял бильярд, очередь играть на котором занималась с утра. Обязательно в праздники, но бывало и просто по случаю, сюда всегда с торжеством закатывали 2-3 двухсотлитровые бочки пива, любители которого нередко оставались возле них на ночь, к вящему неудовольствию жен, у кого они, конечно, имелись. Вообще, это была вольница, главным делом считавшая только полевые работы. Пьянство на рабочем месте не приветствовалось. Позволялось только во время «капустников», различных вечеров, театрализованных представлений на день Геолога и Полевика. Щеголявшие подмороженными лицами во время зимних завозов и осенних вывозов партий, всегда неунывающие и дружные, такими они запомнились мне.

В один из зимних вечеров я, как обычно, засиделся на работе. Резкий звонок телефона вывел меня из задумчивости и даже заставил вздрогнуть.

– Володя – это И.В., я к тебе сейчас зайду.

Я понял, что случилось что-то особенное, поскольку он никогда не заходил в наше здание.

– Ты один? – с порога спросил он. – Пинтяшин на ходу?

Пинтяшин была фамилия вездеходчика ГАЗ-71 практически моего личного вездеходчика.

– А что случилось-то?

Сняв шапку и смяв ее в руках, он глухо произнес:

– Сына надо ехать спасать, на чукчанке решил жениться! Вот такие дела, Володя, вырчай, сам понимаешь, в долгу не останусь.

Быстро одевшись, я зашагал к комплексу «Геолог», где жил Пинтяшин. Через час мы оба, готовые к зимней поездке в Тундру, стояли возле подъезда дома зама, из которого вышел он и его жена – дорожная гоголевская хохлушка – Галина.

– Галя тоже решила ехать, ты не против... а? – торопливо заговорил он.

Я хотел было ему объяснить, что место в кабине одно и ехать на вездеходе 120 км, даже в кабине – удовольствие ниже среднего, но взглянув на ее сурово сдвинутые брови и плотно сжатые губы, махнул рукой.

Виталий – их единственный сын, после техникума отрабатывал срок молодого специалиста в оленеводческом совхозе на мысе Биллингса; крошечном, забытом богом поселке на берегу Северного Ледовитого Океана.

Расстояние от Поселка по прямой было километров 120, мы знали, что от фактории на Биллингс идет вполне сносный зимник, к тому же размеченный вешками-бочками, набитыми камнями, и воткнутыми длинными шестами. Дорогу до фактории мы знали отлично и через два часа лихо развернулись перед заметенным снегом длинным приземистым зданием.

Фактория – это по существу, внушительных размеров склад с продуктами и другими товарами первой необходимости, куда периодически заходят кочевые бригады оленеводов, расположен на живописном высокому берегу крупной водной артерии реки Пегтымель (в переводе – «сломанные нарты»).

Передняя часть склада была отгорожена и служила жилым помещением для сторожей, куда любой проезжающий мимо мог завернуть погреться, попить чайку, а то полакомиться оленьими ребрами, которые изумительно отваривала эскимоска Ольга. Много раз я просил ее открыть секрет рецепта, и когда ей это надоело, она сказала: «Тебя нельзя научить – ты не эскимос!»

Читатель, может быть, вам покажутся утомительными эти подробности, но как вы увидите дальше, они имеют самое непосредственное отношение к теме рассказа.

Открыв обитые вытертыми оленьими шкурами двери, я невольно отшатнулся, потому что из ледяной крошечной тьмы ударил тошнотворный запах протухшей пищи, тройного одеколона, мочи и чего-то еще. Принесенный из вездехода фонарь высветил длинный стол с остатками пищи, поваленные лавки и, видимо, давно нетопленную большую чугунную печь, возле которой лежала куча шкур, из-под которых доносился вполне ощутимый храп. Мысленно обругав и пожелав «всего наилучшего» сторожам и всем их родственникам, включая матерей, вернулись в вездеход.

Километров через 30 нас остановил К-700, перевозивший дизельное топливо на базу артели старателей. Люди, даже случайно встретившиеся в Тундре, всегда рады общению, и мы вкратце рассказали о цели нашей поездки водителю, который усмехнувшись в густые усы, спросил: «На факторию заезжали?» – «Да, заезжали – поспешил ответить И.В. – Лежит там чукча, как куча тряпья». «Так это и есть ваш будущий тесть», – хохотнув, сказал водитель, но увидев, внезапно изменившееся лицо женщины заторопился и сказал, что ему пора и пожелал нам счастливо доехать.

– Володя, – деревянным голосом, без всякого выражения сказала Галина, – налей-ка мне стакан водки.

Мглистым зимним утром мы подъехали к поселку, расположенному на косе, прямо на берегу океана. Из молочно-серого тумана, почти полностью покрывающего поселок (как нам сообщили потом, 300 дней в году) доисторическим животным, торчала мачта полярной станции. Как всегда, и везде гостеприимные полярники показали нам единственный двухэтажный дом. «Там Виталька», – лаконично сказал лохматый чернородый мужчина. «Ну, что, И.В., дело это ваше семейное, а мы тут чайку попьем!» Утопая по колено в снегу, они двинулись к едва видневшемуся, когда-то выкрашенному желтой краской зданию. Лохматый бородач налил еще кружку чаю.

– А вы, мужики, в магазин загляните, пока открыт.

Шумно ввалившись в низкую дверь, почти полностью занесенного снегом, криво домишка, мы буквально ошарашены: китайские пуховые кофточки нежно-розовых и сиреневых расцветок, за которые любая жительница Поселка заложила бы душу, расписные китайские огромные термоса и пуховые халаты, женские кожаные сапоги на натуральном меху, катушечные «Грюндиг» и «Филлипс». На других полках разноцветные банки крабов, каких-то немыслимых паштетов, земляничное варенье... Из столбняка нас вывел певучий голос продавщицы с выраженным украинским акцентом: «У нас еще коньяк есть армянский, но это по записке мужа-директора совхоза». – «А остальное?» – вдруг севшим голосом спросил я.

«Доставайте гроши», – засмеялась она. Денег у нас, конечно, не было, у полярников тоже (все под запись). Незаметно пролетел час. У подъезда мы увидели супругов и напротив невысокого худенького паренька в распахнутом полушубке и песцовой шапке. Разговор шел на самых повышенных тонах». Подожди, сынок», – вдруг сказал отец, достал из кабины сумку и выхватил из нее моток крепкой веревки! «Ну, что! Вяжите его!» – и накинул конец на шею сына. Белая, как снег, с плотно сжатыми губами Галина молча кивнула.

Дверь подъезда распахнулась, и на шею Витальки, плача, бросилась простоволосая молодая девушка-чукчанка в накинута на ситцевое платье, облегающее ее ладную фигуру, песцовой дохе с капюшоном.

Не вытирая слез, с гневным румянцем, заливавшим ее высокие скулы, она звенящим от напряжения голосом проговорила: «Делайте, что хотите, это ваш сын, но завтра я еду в райком партии, а послезавтра вы без партбилета вылетите с работы без трудоустройства». И вдруг снова крепко обняла парня: «Никому тебя не отдам!»

«Плевать! – медведем взревел И.В. – Да хоть в тюрьму!»

И тут случилось неожиданное. Мягко отстранив девушку: «Не надо, Таня», – он вдруг опустил на колени.

«Мама! Отец! Я люблю ее! Люблю и все!»

И столько было неподдельного чувства в этих словах, что у меня и Пинтяшина, далеко не сентиментальных и уже много повидавших людей, вдруг защипало в глазах.

Обратно ехали молча, не заезжая на фабрику, и расстались не простившись, каждый думал о своем. Примерно через месяц я по какому-то пустяковому вопросу заглянул в кабинет зама и застал его в тяжелой, напряженной задумчивости. «Сваты приехали, Володя. Вот сижу и думаю, разожгли они уже костер, посреди квартиры или еще нет? А?» Но все было прозаичнее: выпив все запасы спиртного, а также французские духи и одеколон, сваты мирно улеглись спать на ковре посреди комнаты.

Остается добавить, что Виталька и Таня сыграли скромную свадьбу, живут на Чукотке крепкой семьей с чудными детьми и, я уверен, никогда наяву и во сне не слышат крик: «Вяжите его!»

САША КЕЙСЕУТЕГИН

Куда ты все время спешишь, Володя?
Сядь, посиди, ветер послушай, реку послушай,
Как олени идут, послушай, птиц послушай,
Потом чай пить будем, говорить будем...

Саша Кейсеутегин

Мольтыканские озера. Балок содрогается от ледящего зимнего ветра с мелким снегом, заставляя с комариным писком дрожать единственное небольшое окошко. Чугунная печка рассылает благолепное тепло, создавая тот неповторимый уют, так знакомый каждому, кто испытал это в своих скитаниях по Тундре.

Я любил зимние завозы: бесконечные заснеженные просторы, ночевки во временном случайном жилье, а то и просто в кабине трактора, замирание сердца от жуткого предательского треска наледей (в подледные пустоты глубиной до 5 метров целиком проваливались трактора и машины) и даже забористую ругань трактористов по любому возможному поводу. А еще за редкую возможность побыть наедине с первозданным белым безмолвием, в полной мере прочувствовать его пугающе-равнодушную красоту и слушать... слушать, постигая наконец неразрывность твоей связи с этим миром, как крохотной его частицы.

Трактора ушли вчера с грузом на будущие подбазы и должны были вернуться завтра к вечеру, а я остался, чтобы половить гольца на озере, но погода пока явно была не для рыбалки. Прислушиваясь к завыванию ветра, я незаметно для себя задремал и проснулся от сильного стука в дверь. На пороге стоял полностью заснеженный чукча, из-под капюшона, обшитого мехом росомахи, смотрели на меня живые умные глаза. Он, не отрываясь, пошел к печке и протянул к ней темные руки с узловатыми пальцами. Слегка отогрев, протянул мне жесткую ладонь: «Саша! А еще Марина там. – И, открыв дверь, впусив огромный клуб морозного воздуха, крикнул: – Заходи, Марина, заходи!»

Так состоялось мое знакомство с героями моего рассказа, Сашей Кейсеутегиным и его племянницей Мариной, которая в бесформенной кухлянке с низко опущенным

капюшоном, на первый взгляд мало отличалась от Саши. Оба, ловко скинув кухлянки, оставшись в керкерах (легких меховых комбинезонах), тщательно отряхнув кухлянки от снега, развесили их на проволоке, протянутой через все балки, на максимально возможном удалении от печки. Очень скоро балок наполнился весьма трудно переносимым ароматом, сравнимым просто с вонью. Дело в том (как я узнал позже), что чукчи выделывают шкуры прокисшей мочой, собираемой в специальные корыта – ачульхен, с добавлением мелко истолченной коры полярной ивы – чозении. Стараясь не обращать внимание на запах, я первым делом предложил гостям чаю.

Чай является неотъемлемой частью жизни в Тундре и с полным правом считается, если можно так выразиться, ее национальным напитком. Куда бы вы не попали в Тундре, в любое время года и суток вас всегда будут ждать два горячих чайника: один с кипятком, другой с заваркой. Не задерживая взгляд (не принято это в Тундре), я тем не менее внимательно (как и все, что следует делать здесь) осмотрел гостей. Саша – невысокий, коренастый мужчина, на вид лет 40 (очень, как выяснилось, обманчивое впечатление, касательно возраста чукучей), с неуловимо цепким взглядом из-под навсегда припухших век скупой улыбнулся: «Чай пауркен, кэт-кэт марауркен. Володя? Чай пьем – потом говорить будем немного, да?» Марина, к моему удивлению, оказалась миловидной и даже весьма привлекательной молодой девушкой, хорошую фигуру которой не мог скрыть даже меховой керкер. Пряча озорной взгляд больших раскосых черных глаз, она примостилась на узенькой лавке у единственного предоконного столика.

Порывшись в своих запасах, я достал 500-граммовую банку «Курица в собственном соку» и, вскрыв ножом, поставил разогревать, нарезал размороженный хлеб, достал две миски и ложки. Сняв пробу, Саша придвинул к себе банку и с аппетитом стал есть прямо из нее. «А Марина?» – спросил я. Саша замахал свободной рукой: «Марина не хосит! Нет!» – с трудом продавил он через биток набитый рот. Увидев отчаянное кивание и умоляющие взгляды Марины, я, рискуя навлечь неудовольствие трактористов, достал еще одну банку. Повторилось то же самое, но, когда на дне второй банки осталась пара ложек жира с редкими волокнами мяса, он как бы нехотя протянул ее Марине, которая набросилась на нее, как изголодавшийся в снежную зиму волк. Каким-то, трудно объяснимым чутьем я понял, что наблюдаю часть сложных семейно-иерархических отношений и что мое вмешательство крайне нежелательно (что не раз подтвердилось впоследствии).

Наконец, в полном молчании оба чайника были выпиты вместе с килограммовой пачкой «рафинада».

В Тундре не принято задавать вопросы, и я ждал, когда Саша объяснит свое появление здесь. Еще немного помолчав, он объяснил, что он бригадир оленеводческой бригады и что они с Мариной ищут откол около 40 голов, который, по его мнению, должен быть недалеко отсюда, под пологим перевалом. После этого они резко, как по команде, поднялись и стали одеваться. «Куда это вы? Ночь... Пурга..» – не скрывая крайнего удивления, спросил я. «Оленя искать надо... волки могут раньше найти», – негромко, но твердо сказал Саша и, открыв дверь, они растворились во внезапно налетевшем снежном вихре. Только человек, не знающий Тундру и ее коренных обитателей, может думать, что им не хотелось из теплого уюта балка идти в ночь и пургу (так тогда казалось и мне). Проводив гостей, я подкинул угля в печку, погасил лампу, но уснуть еще долго не мог. Под утро меня разбудил странный звук, похожий на звон колокольчика. Кое-как одевшись,

унимая предупредительную дрожь, я выглянул за дверь и увидел крупного оленя, привязанного прямо к дверной ручке. Это была плата за мое гостеприимство.

Прежде чем продолжить повествование, я счел не лишним в какой-то мере освежить ваши представления о коренных жителях Тундры – чукчах. Издревле чукчи строго делились на две социально-этнические разные группы: береговые чукчи и чаечыв (оленьи люди), обитающие преимущественно в Тундре. В весьма значительной мере – это деление сохраняется по сегодняшний день. Первые всегда жили на побережье океана – раньше в стойбищах (нередко представляющих собой подобие землянок, крытых шкурами морского зверя и дерном), впоследствии (уже при Советской власти) преобразованные в национальные поселки – Рэткучи, Ванкарем и т.д. Занимались они и занимаются по сей день исключительно добычей зверя, в первую очередь кита, моржа и нерпы. Океан давал им все – пищу, одежду и даже материал для строительства жилищ (китовые ребра и кости). Вынужден признаться вам, дорогой Читатель, что мои познания о жизни береговых чукчей, на мой взгляд, убоги, и вряд ли могут добавить что-либо новое, поскольку жизнь моя в Тундре была связана исключительно с «оленьими людьми».

Эта социально-этническая группа (для вашего удобства, будем называть их просто – чукчами) вела, да и в значительной степени ведет сейчас практически исключительно кочевой образ жизни и никогда не имела постоянных мест проживания – стойбищ. Иногда, с большой натяжкой, стойбищами можно назвать 3-4 яранги, как правило, в зимнее время стоящие на одном месте сроком до двух месяцев. В остальном же олениводы кочуют за стадом оленей, которое постоянно перемещается в поисках пищи и спасается от полчищ насекомых на обширных наледях. Неоценимую помощь в этих случаях оказывают невероятно умные лайки – оленегонки, невысокие легконогие собачки, абсолютно незаменимые во время грибного сезона, когда стадо делается просто неуправляемым. Живут чукчи в ярангах – уникальных жилищах, благодаря вековому опыту, максимально приспособленных к суровым условиям севера. Яранга представляет собой сложнейшее инженерное сооружение, состоящее из 16 до зеркального блеска отполированных шестов длиной 5 метров с просверленными отверстиями для противовесов, представляющих собой разной длины ремни с намертво закрепленными разного веса отшлифованными камнями. Как и когда попали эти шесты (изготовленные из лиственницы) в Тундру, где на сотни, а, может, и тысячи верст нет ни одного дерева, никто уже не может сказать, они очень бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. Сверху яранга покрывается чехлом из сшитых мехом во внутрь шкур оленя, к сожалению, еще перед моим отъездом с Чукотки я уже видел яранги, покрытые кое-как сшитыми разномастными кусками брезента. Внимание, Читатель! Ярангу ставят исключительно женщины, затрачивая на это максимум 20 минут, причем так устойчиво, что я даже никогда не слышал, чтобы где-нибудь ярангу снесло самым сильным ветром. В самом верху оставляется отверстие для выхода дыма, потому что костер в середине яранги горит большую часть суток, за исключением глубокой ночи. Мне присылали фотографии, где из яранги торчит уродливая жестяная труба печки, но сам я этого никогда не видел. Дрова для приготовления еды заготавливались с наступлением весны и представляли собой большие вязанки кустов, в изобилии росших вдоль рек и ручьев, достигая иногда 2,5 метра высоты.

По этому поводу существует весьма популярная байка: приходят чукчи на полярную станцию и спрашивают, какая будет зима – теплая или холодная? Полярник-метеоролог

почесал затылок (да откуда же я знаю) и важно сказал, что будет холодная. Вздохнув и покачав головами, чукчи пошли собирать дрова. С проходящего вездехода их заметили полярники, едущие на смену, вздохнув, один из них сказал, что опять зима холодная будет – видишь чукчи дрова собирают.

Спальным местом в холодное время года является полог – подобие длинного большого мешка из оленьих шкур, мехом вовнутрь, закрепленного сверху яранги, края которого подгибаются перед сном под шкуры, постеленные на полу. Мне много раз приходилось ночевать зимой в пологе, и смею вас заверить, дорогой Читатель, всегда было очень тепло, потому что, как правило, пол обогревается так: дощечка с вбитыми гвоздями, на которые надеты обычные свечи, и через полчаса уже нужно снимать верхнюю одежду. Спят чукчи исключительно голые по пояс, мужчины и женщины с детьми в разных концах, и с непривычки только к утру перестаешь замечать стойкий запах невымытых тел и тяжелого дыхания.

При поисках оленей или полевых ночевках используют кукули – спальные мешки из оленьих шкур, десятилетиями используемые геологами Территории – самые теплые спальники, в которых можно спать на снегу в любой мороз и пургу. Правда, есть один секрет: спать нужно полностью раздетым, потому что кукуль обладает эффектом термоса, сохраняя только исходную температуру внутри. Знаю много случаев, когда люди обмораживали за ночь в кукуле ноги, не снимая на ночь промерзшую обувь.

Едят чукчи преимущественно оленье мясо в любом виде: мороженое, вареное, вяленое и практически никогда не жарят. Олень (как и морской зверь на побережье) дает им все: еду, одежду, шкуры, ремни, нитки из сухожилий и, наконец, используется как удобный и безотказный транспорт.

Чукчи – прекрасные охотники, добывая росомах (мех которых никогда не индевет на морозе, для оторочки капюшонов) и снежных баранов, мясо которых очень ценят.

Примитивным способом ловят рыбу (хариуса, гольца), употребляя ее только в виде супа. Примечательно то, что собаки рыбу ни в каком виде не едят. Тундра очень богата грибами, которые они никогда не собирают и не едят. Правда, весьма почитаемый исследователь народов Севера Тан-Богораз приводит в своей книге удивительный рецепт использования грибов, в который можно поверить, только исходя из непререкаемого в научных кругах авторитета исследователя. На ломтик оленьего сала кладется мухомор *Amanita Mercarius* (обладающий наиболее сильными галлюциногенными свойствами), потом снова ломтик сала и мухомор, до формирования ярусного бутерброда, который съедается одним человеком с большим количеством холодной чистой воды. После этого человека связывают ремнями и ждут проявлений судорог с обильным мочеиспусканием. Моча собирается в кружку, которая пускается по кругу, приводя остальных участников церемонии в состояние, схожее с сильным алкогольным опьянением.

В честь восхода солнца чукчи проводят праздник молодого оленя, на который обычно съезжается несколько бригад: варят мясо, водят свои «хороводы» с песнями (особенно меня всегда впечатляло театрализованное представление «полет чайки против ветра»), шутят, смеются, но гвоздем программы являются гонки на оленьих упряжках, всегда представляющих пару оленей, запряженных в легкие одноместные санки. Позвольте мне задержаться на описании призов:

Первый приз – свежеспиленный рог снежного барана, пучок полураспустившихся веточек полярной ивы – чозении (очень похожей на нашу вербу) и бутылка водки. Второй – бараний рог и пучок чозении. Третий – пучок чозении.

Почти до самого финиша лидировал Саша, но на самом финише его вдруг обошел парнишка из его бригады. Каково же было мое удивление, когда первый приз вручили Саше. В ответ на мое недоумение, он молча подозвал «победителя», и тот с самым серьезным видом сказал, что гонку выиграл «пригадир».

Саша покачал головой, глядя на меня и, не без оттенка нравоучения, произнес:

– Володя! У тебя уже белые волосы есть в голове, а ты не знаешь, что бригадир всегда выигрывает гонку!

Бригада Саши, численностью около 12 человек, представляла собой сложное сообщество людей, связанных причудливыми по своей природе родственными связями (в которых я так и не смог разобраться), основанное на беспрекословном уважении и подчинении бригадире. Я довольно часто навещал бригаду Саши, иногда потратив на поиски сутки и более, чтобы разжиться свежим мясом. Оплата была строго установлена – две бутылки водки за одного оленя, но всегда можно было взять только одного за один раз. Саша сам выбирал и резал оленя, но разделявают у чукчей только женщины, причем любая женщина делает это за 15 минут!

После того, как олень разделан и погружен, Саша собирал в круг возле костра всю бригаду, садился возле меня и обязательно после раздумья начинал следующее (всегда неукоснительно соблюдающееся) действие:

«Так, Володя, Гене налей – вот столько (приблизительно 50 г), Ларисе не наливай, Пете налей – вот столько, Снежане – налей.. нет – она не хочет...»

И так по кругу всей бригады. Себя он, конечно, не обижал, но я никогда не слышал ни малейшего возражения или неудовольствия по этому поводу.

Как я уже писал, чукчи не едят или крайне редко едят жареное мясо, но Саша ознакомил меня с рецептом, который я передал многим людям в разных городах и странах под названием «мясо по-чукотски».

Любое хорошо замороженное мясо строгаете как можно тоньше и, не давая разморозиться, вываливаете на хорошо разогретую сковородку с большим количеством сливочного масла («много, много масла и мало мяса – вкуснооо...» – любил говорить Саша). Сразу накрываете крышкой и готовите 3-4 минуты. Соль и перец по вкусу, только после готовности. Попробуйте приготовить, дорогой Читатель, и я уверен – вам понравится! В далеком Израиле готовит это моя дочь, говоря при этом: «Спасибо, Саша Кейсеутегин!»

Однажды я спросил Сашу, что он думает о бригадном подряде, «успешно» внедряемом партийными функционерами. Хитро прищурившись, он ответил вопросом на вопрос: «Это когда вместо шкур на ярангу брезент кладут, да, Володя? И вместо мяса – консервы, где один белый жир (свинина жирная, наверное)

Не... Саша не любит такой подряд!»

Общаясь с Сашей и много лет спустя, я перестал слушать и рассказывать анекдоты про чукчей и стал хуже относиться к тем, кто их рассказывает. Человек, не живший среди них, никогда не поймет и не оценит их суровую, а порой, даже ледяную немногословность, так похожую на саму Тундру, их до мелочей продуманный рваный именно рваный, а не размеренный ритм жизни, их непостижимое и недоступное нам гармоничное слияние с Тундрой, их восприятие Тундры ее как единственно возможной, даже не среды обитания, а образа жизни, как данность вечного бытия, их, на первый взгляд, очень простые, но вместе с тем выверенные веками межличностные отношения. Меня всегда поражало их умение находить поэзию (уверен, что никто из них никогда не слышал этого

слова) там, где, на первый взгляд, ее просто не могло быть (вспомните пучок чозении на празднике), в названиях рек – Вуквульвыгыргин (бегущая по камням), произнесите это быстро несколько раз и вы услышите журчание воды на камне.

Кроме того, что рассказал и показал мне Саша, включая съедобные и лекарственные растения, из которых я запомнил и не раз использовал позднее кровохлебку и звездчатку, он учил меня главному умению: слушать. Слушать в разное время года и суток природу, нередко находя ответы на мучившие меня вопросы в шуме ветра, ручья, криках перелетных птиц, забывать обо всем, глядя на ежесекундно меняющееся северное сияние, и слушать людей, прежде чем говорить с ними. «Ничего никогда не спрашивай, просто пей чай и молчи, человек сам все расскажет и ты все узнаешь, о чем нужно говорить с ним, и когда он будет тебя спрашивать, ты уже будешь знать, что ему нужно говорить», – неспешно прихлебывая чай, приговаривал Саша.

К сожалению, в повседневной суматохе скитаний по свету я многое забыл, о чем он мне рассказывал, чему учил, и не сумел передать это почти никому. Так жаль.....

Мы прощаемся с нашим героем.

Нежаркого лета в вечной стране, о которой рассказывала тебе твоя бабушка; бескрайних ягельников для твоих стад, неугасающего костра в твоей яранге, свет которого отражается в немеркнущем звездном небе, а запах дыма смешивается с запахом цветущих весенних трав; неспешных бесед за кружкой чая с теми, кого ты знаешь и любишь, – Саша Кейсеутегин.

МАРИНА

Второй и в последний раз я встретил ее в районе Пильхинских озер во время инспекционной поездки в отряд, ведущий поиски по потокам рассеяния. По пути хотелось порыбачить на живописнейшем каскаде Пильхинских озер, славящихся своим арктическим гольцом. Спускаясь с холма к одинокой палатке с едва заметным дымком костерка возле нее, я заметил в метрах 400 небольшое стадо и фигуру пастуха с собаками, не обратившими на вездеход никакого внимания. Навстречу вышел незнакомый мне парень и, не здороваясь, горячо и заметно волнуясь, заговорил, что Анжеле плохо, а связать только вечером и ее нужно срочно доставить на базу. Анжелу я сразу узнал – студентка-дипломница из МГУ, а парень – Слава – оказался студентом из Ленинградского горного (принимали его на работу без меня, когда я был в командировке). Осмотрев Анжелу, я обнаружил серьезный вывих голеностопа с растяжением связок и, выяснив, что работы здесь осталось на два дня, отправил Анжелу на базу отряда, наказав вездеходчику сразу вернуться за мной. Наметанным глазом уловив, что отношения между ребятами уже вышли за рамки деловых, я молча за их спиной погрозил кулаком вездеходчику, заметив его хорошо знакомый мне уверенный взгляд.

Не успев сказать Славе, что надо бы чай поставить, я услышал за спиной едва знакомый голос: «Здравствуй, Володя!» – и, обернувшись, узнал в подходящем пастухе – Марину? Да, это была она, но за два года, что я ее не видел, она, заметно похорошев, превратилась в молодую женщину, с плавными движениями загорелых рук, горделивой посадкой головы, и только блеснувшая в глазах озорная искорка напомнила мне преж-

нюю Марину. Видно было, что она обрадовалась, встретив в Тундре знакомого человека, и я тоже был рад ее видеть.

Я шутивно-церемонно представил их друг другу, Марина заглянула в чайник и вопросительно посмотрела на Славу, после чего тот понесся к ручью за водой, едва не упав по дороге. К чаю Слава вынес сахар, и к моему изумлению, горку лепешек (называемых повсеместно «ландориками» на чистой тряпице, в которой я узнал аккуратно разрезанные и сшитые пробные мешочки. «Это я вчера, под руководством Анжелы спек», – запинаясь и заливаясь краской смущения, произнес он. Назвать «ландорики» шедевром кулинарного искусства было, конечно, затруднительно, но Марине они пришлись явно по вкусу, потому что очень скоро на тряпице ничего не осталось. Июльское солнце припекало не на шутку и вдруг, благодарно взглянув на Славу, с исполненным некоторой грации движением, стянула через голову летнюю кухлянку! Перед глазами потерявшего дар речи Славы предстала высокая девичья, но неимоверно грязная грудь, а некстати налетевший ветерок, обдал его, хорошо знакомым мне запахом женского, давно немывтого тела, смешанного с ароматом пропотевшей выделанной оленьей шкуры. Озорно подмигнув мне своим черным глазом, она сказала, что в ответ по причине жары она мяса дать не может и поэтому она сегодня будет спать не со мной, а со Славой. Нагнувшись над чайником, она грациозно изогнув тонкую талию, непостижимо переходящую в крутые бедра, легко угадывающиеся под просторными штанами, кокетливо искоса улынулась совершенно потерявшемуся Славе.

«Владимир Анатольевич, – прошептал багровый Слава, – можно вас на минутку, я вам хочу пробы показать!» Зайдя за палатку, он с юношеским жаром, горячим прерывающимся шепотом рассказал мне, что этого он позволить себе никак не может, потому что в Питере у него есть невеста, а еще Анжела... Тут он окончательно смешался и замолчал. Посмотрев на него нарочито строго, я сказал, что по здешним понятиям, ее родственники, которые где-то рядом, воспримут отказ, как смертельную обиду, и что я знаю случаи, когда при таких обстоятельствах люди просто навсегда исчезали в Тундре. Смертельно бледный, почти плачущим голосом, он спросил: «И что, потом, жениться надо?» На что я ответил, с самым серьезным видом, что не сразу, что нужно дождаться рождения ребенка, и что это мелочи, поможем с академкой, временной работой и вернешься доучиваться, но уже отцом. К костру Слава шел, плотно сжав губы и сдвинув брови, как человек, принявший для себя трудное решение. Возле костра стояла одетая Марина. «Пойду я, Володя, откол надо к стаду гнать, собакам одним трудно. – И, повернувшись, к Славе попросила: Вспоминай меня, ладно?» И легко ступая между высоких кочек, подрагивающей уверенной походкой направилась в сторону откола.

На высоком пригорке она обернулась и помахала нам рукой, мы махали ей, пока ее фигурка не скрылась, и вдруг мне показалось, что я увидел в заблестевших глазах Славы скрытое сожаление.

БРЕХНЯ!

Таинственные вещи еще нельзя
Назвать чудесами

В. Гете

Полярное лето катилось к концу, и уже никого не могла обмануть еще по-летнему яркая зелень придолинных лугов и припекающее пригорки уходящее от нас северное солнце, скрывающее грустную усмешку покидающих нас друзей.

Покрывала холодных туманов – предвестников осени – уже заботливо окутывали подножия предгорий, создавая иллюзию висящих в ярко-синем небе остроконечных вершин.

Вода в реках отливала сталью, а летнее белоцветье морошки уже сменилось желто-красным ковром поспевающих ягод.

Наш путь лежал к Пильхинским озерам. Настроение было прекрасное – в кузове вездехода позвякивал ящик «Каберне», с огромным трудом выбитый по растреклятым талонам в п. Мыс Шмидта, а заботливый вездеходчик (конечно же, Пинтяшин) где-то раздобыл пять старых керновых ящиков – прекрасные дрова для костра.

Вечерело, и самым лучшим местом для ночлега снова было выбрано урочище «Ольхон», представляющее собой узкий каньон с почти отвесными стенами, на дне которого отливало темной голубизной небольшое, но как видно, глубокое озеро. Мы уже останавливались здесь, и именно здесь на старой могиле шамана я услышал Плач Тундры.

Костер весело потрескивал, банки с тушенкой опустели, и подогретое у костра «Каберне» располагало к задушевной и долгой беседе.

«Представляешь, Толя, а, может, в этом озере живет душа этого шамана и иногда напоминает о себе, как думаешь?»

«Я думаю, Анатольевич, что тебя немного продуло по дороге, подлей-ка еще себе, да подогрей и все пройдет».

Спев, как положено раз 15 «А утки летят» А. Розенбаума, что при полном отсутствии слуха и наличии громкого голоса для неподготовленного человека было просто невыносимо, он засобирался спать.

«Ляжем здесь – смотри, какие звезды, тишина какая», – предложил я.

«А если пойдет дождь» – усмехнулся он и, пошатываясь, побрел к вездеходу.

Я залез в кукуль с настроением помечтать, глядя на звездное небо, как вдруг звезды над моей головой, будто спустившись еще ниже, закружились в неземном хороводе, и я провалился в глубину сна.

Проснулся от странного света, пробивающегося сквозь сомкнутые веки, рывком сел и протер глаза.

В небе на другой стороне озера висел, именно висел, громадный, полупрозрачный розовый шар, наполняя каньон призрачным зеленоватым светом, заметно меняющим свою интенсивность.

С удивлением я увидел, что в озере шар отражается в виде зеленоватых колец разной конфигурации и, справившись с оцепенением, бросился к вездеходу.

«Вставай! Вставай немедленно! Смотри!!» – тряся изо всех сил Пинтяшина, кричал я. Еле открыв красные от недосыпа и усталости (10 часов за рычагами) глаза, в которых еще вовсю бродил хмель, он, не мигая, смотрел на озеро примерно секунд 15, после чего, махнув рукой, пробормотал: «Брехня!» – и, уронив голову, опять крепко заснул.

К этому времени шар начал медленно подниматься вверх, растворяясь во внезапно появившемся облаке, края которого были окрашены в тот же зеленоватый цвет, и вскорее в крошечной тьме вернувшейся ночи уже ничего не напоминало о случившемся.

«Ты, что еще пил один? Там еще три бутылки оставались...» – прервал утром мой горячий рассказ Пинтяшин с явным недоверием.

Убедившись, что все на месте, он покрутил головой.

«Брехня, Анатольевич, – приснилось тебе!»

Уже зимой я спросил у Саши Кейсеутегина (читатель уже знаком с ним), не видел ли он такое?

«Это такая красная большая луна, да, Володя? И свет еще зеленый?»

Оказалось, что он видел это много раз, всегда ранней осенью и в безлунную ночь и чаще всего возле озера Рымырыннат (как выяснилось, это чукотское название урочища Ольхон, а переводе – «Рассеченный утес», как всегда точно характеризующее названное ими место.

Впоследствии я много раз рассказывал эту историю полярникам и даже нескольким довольно известным ученым. Все сходилось во мнении, что мне удалось наблюдать довольно редкий случай рефракции света, связанной с отражением солнца от полярных льдов и приводящей иногда к появлению так называемых «солнечных столбов».

Может быть... может быть...

Только вот никто так и не смог объяснить природу зеленоватого сияния...

ЗВУК

Кажущееся нам неизвестным,
Нередко ведет нас к страху
И вере в чудеса.

Цицерон

Во время моих, порой весьма продолжительных, поездок по Тундре, сравнимых всякий раз с путешествиями и непременно сопровождаемых различного плана приключениями, мне всегда хотелось посмотреть реликтовый лес в долине р. Чаантальвыргын. Сведения о нем (при полном отсутствии интернета в то время) были скудными и отрывочными, однако на топокартах (еще Генштаба) были точные координаты и размеры.

И вот случай представился. Инспектируя золоторудное проявление Ураганное, мы оказались в одном дне пути от объекта наших мечтаний, и я ни секунды не колебался.

На следующий день ближе к вечеру мы наконец его увидели.

Лес открылся с пригорка внезапно, будто картина, нарисованная широкими мазками, во всей осенней красе. Узкие желто-зеленые листья чозений трепетали от едва заметного ветерка, как перья диковинных птиц, золото листьев, медленно падающих с

топелей оттеняло пестроту буйного подростка, обильно окровавленного гроздьями красной смородины.

Собрав кучу сухих дров, мы решили обследовать лес с утра и, вскоре примостившись возле костра, с наслаждением пили чай, заваренный со смородиной и брусникой.

А между тем день угасал. В недрах остывающих облаков медленно растаяли воспоминания об уходящем солнце, примолкли, словно огорченные дети, птицы, встретившие нас ранее веселым щебетанием, и только унылый крик гагары с дальнего озера еще нарушал тишину.

Скоро совсем стемнело, и картина изменилась. Лес, еще недавно радующий глаз, вдруг стал темным и неприветливым, черной непроницаемой стеной закрывая долину, и только самые верхушки деревьев слабо освещались молодым месяцем, поднимавшимся из за горной цепи.

«В сущности, мы – дети Света» – вдруг подумал я.

Мы любим свет и, наверное, поэтому селимся в городах. Солнечными днями мы счастливы, когда нас окружают зеленые леса, просторы степей и Тундры, наш глаз радуют величественные горы со снежными шапками, разливы рек и морской прибой, но во мраке ночи, как часто, мы кажемся себе слабыми и беззащитными, как маленькие дети в пустом заброшенном доме. Я часто встречал людей, которые по роду профессии большую часть жизни провели среди живой природы и, тем не менее, никогда в одиночку не ночевали в лесу, тундре, горах.

Не правда ли, странно...

Мои, как мне казалось, глубокие философские размышления, прервало легкое похрапывание – Пинтяшин, видимо, уже давно спал, подсунув под голову рюкзак.

И тут я услышал звук, звук, внезапным ледяным холодом обдавший мне спину и заставивший вскочить Пинтяшина...

Звук был не похож на все звуки, которые мы слышали до этого, это не был крик боли или отчаяния, не угрожающе-яростный рев хищника. Начинаясь с низких до хрипоты нот, он достигал своей высоты, как торжествующе-победный зов, напоминая неумелого трубача, изо всех сил пытающегося воспроизвести мелодию, лишенную всякой гармонии.

Самое необычное было в том, что звук не был из глубины леса, погруженного теперь уже в откровенно враждебный мрак, а как бы шел откуда-то сверху, накрывая долину и отражаясь от стенок каньонов.

Холодея от страха, а дорогой Читатель, от страха мы насчитали три звука-зова, после чего наступила звенящая тишина, прерываемая лишь потрескиванием сучьев в костре.

Не сомкнув глаз, мы еле-еле дождались рассвета и уехали.

Много лет спустя, будучи в Африке, я услышал этот звук – трубный зов африканского слона!!

Единственное более-менее разумное объяснение тому, что произошло с нами – это встреча с аномальной зоной слышимости – так в радиопереносе называются возникающие спонтанно во времени и пространстве зоны, могущие передавать звук на тысячи километров.

...Реликтовый лес – это Телекайская роща, и читатель легко найдет о ней всю информацию.

И еще – не люблю слонов.

ФАТА МОРГАНА

Фата Моргана – редко встречающееся сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей

Википедия

Случай этот (если его, конечно, можно назвать случаем) произошел со мной и верным Пинтяшиным в конце лета 1988 года на озере Эльгыгыткин, куда мы доставили экспедицию журнала «Турист» под руководством Н. М. Тарасова для сплава до г. Анадыря.

История об этом достаточно подробно изложена мной в рассказе «Сергея! Это я...»

Экспедиция уплыла вниз по р. Энмываам два дня назад, а мы задержались половить рыбу и «похлебать ухи», так как, если Читатель помнит, благодарные члены экспедиции нам кое-что оставили. Но, как известно из Книги Судеб, всему хорошему всегда приходит конец, и рано утром, с сожалением покинув гостеприимный дом, мы собрались в обратный путь.

Это было чудесное утро, которое, к сожалению, редко бывает первоначальной осенью.

Холодный сапфир неба, казалось, растворялся в прозрачной глади темно-синего озера, создавая полную иллюзию отражения воды в небе. Над головой пронеслась стайка молодых уток, пробувающих крыло, и слегка разорвал тишину скрипучий крик куропача.

И вдруг картина резко изменилась.

Я уже писал о туманах в районе озера, но этот туман был совершенно не похож на другие.

Не молочный, как обычно, а какой-то очень густой, грязно-серый и, казалось, липкий на ощупь, он возник как бы ниоткуда, почти мгновенно превратив ясное утро в сумеречный вечер.

Сколько прошло времени – трудно сказать, но внезапно в направлении озера (как нам показалось обоим) открылось подобие окна с размытыми краями, в котором мы увидели наш дом, вездеход и группу людей – участников экспедиции, покинувших нас два дня назад.

Изображение было черно-белым, зеркальным и перевернутым (с ног на голову), но несмотря на это и некоторую нечеткость, можно было рассмотреть даже мелкие детали.

Картина начала тускнеть, расплываться и вскоре исчезла совсем, а за ней в течение нескольких минут исчез туман и, словно с поднятием занавеса, засияло солнце, еле слышно защебетали невидимые пуночки – верные предвестники холодов, словом, жизнь без необъяснимых явлений продолжилась.

Специалисты, которые пытались истолковать это явление, обрушивали на меня поток информации, так же понятный мне, как язык индейцев племени сиу.

Чего стоили, например, такие объяснения: остаточная интерференционная дифракция света, связанная с неоднородной поляризацией верхних слоев атмосферы...

И даже – частичная или полная абберрация зрения при абстинентном (похмельном) синдроме. Что у обоих сразу, что ли?

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Эту историю рассказал мне мой бывший сотрудник ГПП Северо-Чукотской Экспедиции – Вячеслав Ямпольский – ныне заместитель начальника Департамента недропользования по Чукотскому национальному округу.

Произошла она совсем недавно, а именно 26.01.2020.

Для лучшего восприятия позвольте мне рассказать эту историю от лица непосредственного ее участника, по возможности в авторском изложении.

Итак. Заснеженная долина реки Танюрер, известной тем, что в приустьевой ее части располагался аэродром для снабжения СССР по ленд-лизу с территории США во время Второй мировой войны и просуществовавший до середины 60-х.

Зима была необычайно снежной – прибрежные кусты едва виднелись из-под сугробов, порой скрывая истинное направление русла реки.

Мы (это я и верный спутник – Михалыч (мой постоянный водитель)) на двух снегоходах, загрузив все необходимое в нарты, выехали в поисках забредавших сюда с юга лосей.

Местность в общих чертах была нам известна, поэтому выехали часа в 4, когда уже почти стемнело.

Ехать было легко – наст был практически без застругов (наддувов от ветра) – извечных врагов зимних путешествий на лыжном транспорте. Дальний свет фар высвечивал изредка вспуганных куропаток и единожды блеснувшие зеленым глаза лисы. Примерно на середине пути мотор моего снегохода зачихал, и снегоход, распространяя резкий запах бензина, проехав по инерции несколько метров, встал. Причина поломки нашлась быстро – прохудилась прокладка карбюратора – пустяковое, казалось бы, дело, но обернулось оно большой проблемой, о которой мы даже не подозревали.

Безуспешно проковырявшись часов до трех ночи, Михалыч предложил на одном исправном снегоходе доехать до перевалочной базы, на которой он бывал ранее.

По его словам, до базы оставалось километров 35-40.

Перевалочные базы сегодня – это остатки тех факторий, о которых я писал ранее, брошенные базы геологов и даже одинокие балки, оставленные буровыми бригадами. Как правило, это один-два пригодных для жилья дома, 2-3 полуразрушенных сарая, запас угля, бензина и кучи всякой бессистемной рухляди, в которой часто можно найти весьма нужные вещи и даже в неплохой сохранности.

До перевалки оставалось совсем немного, когда снегоход, в буквальном смысле этого слова, утонул в неслежащей толще снега, при переезде через полностью заметенный, глубоко врезанный ручей.

Решили отцепить нарты, и Михалыч поехал вперед – поискать и протоптать дорогу. Было около пяти часов утра. Я лег на нарты и, глядя на подмигающие мне и что-то шепчущие звезды, боролся с накатывающей сизой дремой, из которой меня вывел истощенный крик Михалыча.

Проехав метров 400, он попытался сходу выскочить на берег ручья, снегоход перевернулся и придавил ему ногу. Я быстро поднялся с нарт и !! – слева, менее чем в километре, увидел ярко освещенный двухэтажный дом, возле которого стоял вездеход, ходили люди и снегоход с зажженными фарами, явно направляющийся в нашу сторону.

Почти ползком я добрался до Михалыча, который продолжал кричать, и успокоил его, сказав, что перевалка рядом и что к нам уже едут на снегоходе, причем звук был очень хорошо слышен.

Минут через десять стало тихо. Подождав еще минут десять, проклиная все на свете, начал откапывать Михалыча.

Через полчаса мы подъехали к перевалке. База, точно такая, как я ее видел – двухэтажный дом, сарай – стояла почти занесенная снегом, пустая и промерзшая, без всяких признаков присутствия людей и техники. Более того, никаких следов, кроме лисьих, на снегу не было!

КРЕСТ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

О восстании староверов на севере Приморья 1932 года написано много, и Читатель легко может найти эти материалы. Настоятельно рекомендую вам книгу А.М. Паничева «Бикин. Тайга и Люди». Я же попробовал в художественной форме донести до вас свидетельства очевидцев, а также мои воспоминания о пребывании в местах, до сих пор хранящих следы тех трагических событий.

1

Осень 1982. Магадан встретил типичной и уже привычной для меня погодой – мокрый снег с дождем и ветром, а также опустевшие улицы и отсутствие мест в ведомственной гостинице, помянутой по этому поводу «незлым тихим словом».

В гостинице (ну конечно же, с оригинальным названием «Магадан») дежурный администратор, фигурой сильно напоминающей плохо завяленную корюшку, и таким же приветливым лицом, почему-то с раздражением пробурчала, что места есть только в двухместных номерах и в каждом уже есть посетитель. Долго изучала мой паспорт, а командировочное удостоверение даже смотрела на свет (интересно, что она ожидала там увидеть).

Наконец, с видимой неохотой, буркнула: «213»

«Ресторан сегодня не работает – санитарный день».

В номере было в меру накурено, пахло селедкой, луком и чем-то спиртным. Из-за столика поднялся... я сразу узнал его! Человек со шрамом из моего далекого прошлого!

Годы слегка согнули его плечи, но военная выправка все равно осталась, а белые волосы заметно поредели.

«Николай», – протянул он сухую жилистую ладонь.

Пожатие было чуточку излишне крепким (с каким-то вызовом, что ли?).

«Присаживайся к столу, откуда будешь?»

На журнальном столике стояла начатая бутылка водки, аккуратно нарезанная селедка, луковица и батон белого хлеба.

Критически осмотрев это «великолепие», я достал из «дипломата» свой дорожный набор: бутылку коньяка и палку сырокопченой колбасы.

После традиционного «за знакомство!» я утвердительно сказал:

«Николай – а я ведь вас помню, вы ведь работали в Сеймчанском РайГру авиадиспетчером, да?»

Я там на практике был в 1969».

Меня он, конечно же, не вспомнил, но опять же под «сеledку» вспомнили многих общих знакомых.

«А ты до Севера где работал-то, Вовчик?»

(Видно, пожизненно мне Вовчиком быть.)

«В Приморье вот восемь лет отпахал. Незабываемое время!»

«В Приморье?» – как-то напряженно переспросил он.

«На Бикине, случайно не был?»

«Как не был – в 1972 и 1973 заканчивал сезон на Улунге (место есть там такое)...»

«Да знаю я это место, знаю»

Лицо его потемнело, опущенные углы рта по-волчьи поднялись, обнажив в оскале пожелтевшие, но еще крепкие зубы.

«Оттуда вот это», – и он провел рукой по налившемуся кровью шраму с внезапно побелевшими краями.

Не спрашивая меня, налил почти полный граненый стакан коньяка, выпил залпом, шумно выдохнул, размял «беломорину», повертел и смял узловатыми пальцами с уже проступающими старческими пятнами.

2. Конец сентября 1932 года

«Я сам с Приморья, в Спасске родился, ну ты знаешь, где это, а, может, и бывал. При мне его в Спасск-Дальний переименовали. Самый партизанский центр был в 1920–1921 году.

Отцы рассказывали, как офицеры и буржуев разных пачками к стенке ставили без всякого суда, некоторых в ямах закапывали, а тех, кого в лес вывозили, так землей присыпали.

Мы сами расстрелы-то не видели, малы еще были, но одну колонну запомнил. Человек 40-50 было, одни офицеры, все с орденами и шли, как в строю...

Мы, мальчишки, все в партизан играли, «беляков» били, да как-то никто не хотел «беляками» быть, хоть и крестами ихними обвешивались, нашли однажды целый ящик новеньких.

Я всегда был активным – председатель пионерского отряда, секретарь комитета комсомола – и мечтал бороться со всеми врагами советской власти.

Поэтому, когда призвали в армию, попросился в особые части в подчинении ОГПУ (я в школе уже сотрудничал с районным отделом), и меня, конечно, зачислили.

Однажды на внеочередном построении нам было объявлено, что нашу роту перебрасывают на север Приморья для ликвидации последствий староверского восстания. Приземистый, бритый наголо человек с одним ромбом на петлицах твердым поставленным голосом закончил выступление:

«К настоящему времени, благодаря усилиям пламенного борца с врагами советской власти, товарища Соколова восстание в целом разгромлено и главари его понесли заслуженную кару.

Но по тайге остались хутора, заимки и скиты недобитых сторонников восстания и сочувствующих им элементов. Никакой пощады врагу! Советское Приморье должно быть полностью и навсегда очищено от этой нечисти!»

Вскоре самолетами нас перебросили в Улунгу.

В задачу нашей роты входило полное уничтожение хуторов, поселков, заимок, скитов и... и бандитов!

Сколько их мы оставили лежать неубранными в тайге... кто считал?

Помню Хомяково, Плотниково, Старково Новожилово, да сейчас все на одно лицо!

Добрались мы до монастыря на реке Зева, ликвидировали все, а монахов отправили под конвоем в Улунгу, да слышал, что не доехали они, лодка, что ли, перевернулась по дороге, наши-то вроде спаслись, а монахи плавать не умели, но это со слов, а, может, и доехали они все.

Выше по течению был женский скит, но там мы никого не нашли.

А еще помню, что наш 3-й взвод парнишку нашел в зимовье, недалеко от Барановского хутора, так он, стервец, удумал капканы на трупах ставить, хоронить-то их времени не было, да и не нужно было никому.

Чуть насмерть того мальчика не забили, командир пожалел, а зря...

Ты читал, наверное, или слышал, что много баб с детишками потонуло, спасаясь от нас на батах (лодки такие длинные плоскодонные, да ты знаешь, конечно).

Так вот, Вовчик, неправда это.

Было устное (не письменное, а устное) указание не щадить никого... понял?

Мы и нагружали бабами с ребятишками полные лодки и без весел отталкивали их от берега.

Вот тут-то я и получил это», – и, он снова погладил шрам.

Ликвидировали мы тогда хутор Старково. А уже лед по Бикину шел. Стал я передавать в лодку мальчонку, годика три, может чуть больше, а он возьми да и упали в воду, случайно, конечно, я ведь не хотел... Ну, и унесло его сразу течением!

Вой поднялся жуткий, и тут одна старуха (помню, платок черный под самые глаза) кинулась на меня и обломком косы полосонула по лицу. Боль была адская и кровящая!

Ну, я не помня себя, выхватил винтовку у бойца, что рядом стоял, и воткнул ей штык в грудь, а она обеими руками в винтовку вцепилась, молчит, не кричит даже, а смотрит мне прямо в глаза и, ты представляешь, не было в ее глазах ни злобы, ни ненависти, как будто запоминала она меня...

Дернул я раз, другой – она из лодки вывалилась и понесло ее вниз, только вот запомнил, что лицом вверх и рукой такой скрюченной, будто грозит мне!

Сколько таких лодок было, уже не помню, а про эту отметина на лице каждый раз напоминает и глаза эти, как сейчас помню. А мне ведь тогда и 20-ти еще не было!»

3.

Он залпом допил оставшийся коньяк, закурил и вдруг, прищурившись, спросил:

«Хочешь спросить – не мучает ли меня совесть?

Нет, не мучает! И сплю я хорошо. Враги это были, понимаешь? Враги!

И если бы дали мне еще одну жизнь, да что одну? Несколько! Я бы их прожил так же! Ни одного дня бы не поменял, потому что ни о чем не жалею.

Я ведь потом в охране лагерей служил (как говорили, «вертухаем») до самой их ликвидации, так я тебе скажу – политические, они для меня так «контриками» и остались, в

десять раз хуже воров были, и я их давил всегда, как только мог! Жаль, вот только стрелять их запрещали, а на побег кишка у них тонка была.

Особенно ненавидел тех, кто по статьям 58-10 и 58-11 шел, за агитацию против Советской Власти сидели бы себе и молчали, а то только и умели, как сучки из подворотен гавкать.

Укусить-то не могли, куда им с их натурой-то...

Другие там за взрывы, диверсии разные сидели, так у тех хоть характер был...

В войну на фронт не просился, потому что понимал – здесь был мой фронт, в лагере, не менее важный!

Золото мы стране давали, на износ работали, да всего не расскажешь...»

«А что Вы здесь, Николай, в гостинице проездом куда, что ли?» – спросил я.

«Слет у нас завтра здесь – бывшие сотрудники органов собираются со всей области. Я вот и пиджачок со всеми наградами почистил.

Разные почести нам, паек (икра, балычок, чай «со слоном», коньячок, может быть, а то последние годы – все водку больше дают), ужин в ресторане, посидим, повспоминаем...

Все меньше нас и внимания к нам все меньше, а ведь были нужнее нужного когда-то! Понимаешь ты – нужны мы были, нужны!

Было время, а главное – порядок был, ну и достаток само собой, а теперь вот – пенсия – и он указал на столик.

«Прожить-то, конечно, можно на эту пенсию, да разве это жизнь?»

Я вот всех пережил – Сталина, Хрущёва и теперешних переживу тоже, не сомневайся, но скажу тебе так – лучше всех при вожде было! Два раза в моей жизни ревмя ревели все: и мы, и эски; в день смерти вождя и в день, когда статуи его, бюсты и портреты уничтожали.

Одни “политические” не плакали (радовались, наверное втихомолку), ну я кому смог – припомнил потом это!

А Победа, что Победа – радость, конечно, была великая, только вот нам-то от нее радости было маловато, “суки” головы подняли, да «автоматчиков» (солдат осужденных) с фронта нагнали, но это длинная история – может, в другой раз, если еще свидимся...»

«Спать давай» – резко оборвал он разговор и через пару минут уже беззвучно спал.

Я, в буквальном смысле этого слова, оглушенный рассказом, уснуть, конечно, не мог. Глядя на безмятежно спящего человека, я пытался представить, как он жил все эти годы, пытался – и не мог.

А сколько таких Николаев? Живут рядом с нами, получают пенсии, растят внуков... Что они рассказывают им? Чему учат?

Слетается завтра воронье – только что мундиры не черные.

Глядя на спящего Николая, я спрашивал себя – воспитала их существующая в то время власть такими, подменив все человеческие ценности понятиями революционной целесообразности и сознательности? Нет, я думаю, что большинство из них даже не знало этих слов, а если знало-то никогда не задумывалось над их значением. Просто порожденная властью вседозволенность помогла высвободить и в полной мере проявиться всему низменному, что жило в них, было заложено их родителями и предками вне зависимости от происхождения.

Под утро мне, наконец, удалось сомкнуть глаза и память (все еще под впечатлением рассказа, наверное) перенесла меня на 10 лет назад.

4. Улунга, конец августа 1972 года

Наконец-то – летим! 18 дней, 18 долгих летних солнечных дней мы ждали этот АН-2, возле полосы затерянного в тайге таежного аэродрома с давно опустевшим домиком метеостанции.

За окном иллюминатора бескрайняя тайга – заросшие лесом низкие сопки сменялись долинами с едва поблескивающими речками, каменными осыпями, спускающимися с гольцов.

Вдали уже угадывалась долина реки Бикин с ее многочисленными притоками, названия которых завораживали, как неизвестная музыка: Бачелаза, Тавасикча, Улунга, Чинга, Биамо...

Вдруг под крылом замелькали четко очерченные прямоугольники и квадраты редколесья и кустарника, контрастно выделяющиеся на фоне темной зелени тайги.

Знаком – большой палец вниз – пилот показал, что садимся.

Оставив нас на полосе с кучей снаряжения, самолет развернулся и улетел, помахав крыльями.

Немного в стороне от изрядно заросшего по краям молодым березняком аэродрома виднелся неказистый домик или просто избушка, в которой, кроме порядка облупившейся и сильно закопченной кирпичной печи, не было абсолютно ничего.

До самой Улунги было чуть меньше двух километров, а темно-красное солнце (пожары что ли где-то?) уже клонилось к закату.

Мы знали, что рядом с аэродромом находится военная радиолокационная станция и, наверняка, там есть машина. Увиденное, право же, было достойно описания.

Одна створка ворот под полностью выцветшим транспарантом с неясной надписью лежала на траве, вторая же косо висела на одной петле. Судя по всему, на станции не было никого, но на звук наших голосов вышел в помятой гимнастерке на голое тело и без подворотничка страшно заспанный сержант.

«Никого нет, Кирпичёв (это лейтенант наш) уехал вверх по Бикину на рыбалку и все с ним тоже.

А я вот на дежурстве. – И широко зевнул. – Машина не на ходу, но если немного “смазать”, – он выразительно погладил себя по покрытому трехдневной щетиной подбородку, – то до села доедет».

Через полчаса мы въехали в Улунгу.

Вдоль дороги, местами поросшей травой, стояло с десяток рубленых домов, угрюмо и, как показалось мне, враждебно смотрящих на нас темными окнами.

«Света нет, – пояснил сержант и мрачновато добавил: – А также магазина, почты, медпункта и никакой советской власти тоже нет! Две веселые фамилии на всю деревню – Черепановы и Могильниковы. Да еще Лёха Гришко или Гришков, шут его знает – с большим прибабахом! Вам сюда».

И затормозил возле дома, в окне которого брезжил свет (керосиновой лампы, наверное).

На крыльцо вышел высокий сухощавый мужчина лет 50 и, судя по всему, жилистый и крепкий.

«Вы от Михалыча, что ли? А сам он где? Ну проходите, что стоять-то».

«Черепанов моя фамилия, а кличут Андронычем. Батчик теперь я ваш».

Так мы познакомились с одним из очевидцев восстания 1932 года, правда, в те времена он был ребенком и мало что мог рассказать об этом, да и рассказывал с большой неохотой.

От него мы узнали, что прямоугольники и квадраты, которые мы видели сверху из самолета – заросшие пашни староверов, где они выращивали пшеницу, рожь, а также сенокосы, пасеки, загоны для домашней скотины. На наших «генштабовских» картах были нанесены деревни: Старково, Новожилово, Плотниково, Хомяково.

На наш вопрос – сохранилось ли что-нибудь там? – он как-то невесело улыбнулся: «Вот поедем, там сами все увидите».

Утром узнав, что Михалыч (начальник наш) прилетит через неделю, он предложил нам помочь срубить баню.

«А хозяйка моя – Люська – значит, картошки вам отсыплет – мешка три, да вот и она!»

На пороге появилась здоровенная бабища (другого слова подобрать не могу) лет 45, с выражением отстраненного любопытства на загорелом лице, вообще-то не лишенном приятности.

Впоследствии Андроныч рассказал нам, что невестою он привел ее из поселка Кхуцин (что на побережье Японского моря, в 160 км от Улунги) через глухую тайгу.

«Там же – километров 100 от Кхуцина – и брачную ночь справили – не дотерпели до дома-то».

Баню мы срубили из тополя: легкую, игрушечную и даже успели помыться в ней.

Была только одна проблема, все пригодные деревья находились на другом берегу. Если вам приходилось, когда-нибудь переправляться через быструю реку с помощью только одного длинного шеста, да еще и на груженой плоскодонной лодке длиной в 7 метров, то вы знаете, каких невероятных усилий это стоит.

После кровавых мозолей и, охрипнув от терпкой брани, мы, наконец, приобрели этот бесценный опыт, который так пригодится нам впоследствии во время сплавов по таежным рекам Приморья.

Прилетел Михалыч и, загрузив до отказа бат (вода чуть не достигала бортов), мы отправились вверх по реке Бикин на место работы со странным названием «Санькин Ключ».

Немного выше устья Улунги Андроныч указал нам на обширные проплешины, поросшие молодым березняком и осинником на высоком правом берегу Бикина.

«Ну вот, смотрите, здесь деревни и были-то раньше! Люди жили... просто жили и все... никого не трогали, детишек растили...»

Только в одном месте (Плотниково здесь стояло – пояснил Андроныч), нам удалось рассмотреть два почерневших, слегка покосившихся деревянных столба.

Высадив нас на левом берегу, Михалыч уплыл с Андронычем вниз, пообещав вернуться через неделю.

Первым делом мы решили пожарить картошки. Развязали мешки с «благодарной» картошкой, которую упаковала Люська, и наградили «зловредную» самыми нелестными эпитетами, после того как обнаружили, что во всех мешках картошка (к слову сказать отменная) была только сверху, примерно ведро или чуть больше. Остальной объем занимала картофельная ботва вперемежку с землей и камнями!

Мы сразу же вспомнили, что оставили Люське 15килограммовых пачек сахару для бражки к нашему возвращению.

Через 16 дней приплыл Андронич – без Михалыча, который, по его словам, был очень занят.

«К сезону готовится».

«Какому сезону?» – не понял я.

«Ясно какому, охотничьему. Он же каждый год остается здесь и отпуск прихватывает, ты что не знал, что ли».

Узнав о том, что львиная часть нашей работы была на другом берегу и сделать ее без лодки было просто невозможно, он, прихлебывая чай, неожиданно мягко, промолвил:

«Ты только не обижайся, Володя, ладно? Я вот каждый год работаю с геологами, и все они что-то ищут, а вот ваша партия, мне кажется, ничего не ищет».

По молчаливому уговору мы не стали ничего говорить о картошке и вечером уже с наслаждением смывали двухнедельную грязь в бане. Из погреба был торжественно извлечен молочный бидон с «мальвазией» (так мы заранее окрестили брагу, изготовленную Люськой).

Но столь ожидаемого праздника не получилось (точнее, совсем не получилось).

Эффект после первой кружки был неожиданным и весьма неприятным. Пудовая, а то и больше, гиря в желудке, обильный холодный пот – самое малое, что я мог почувствовать тогда. Зловредная Люська и здесь умудрилась чем-то подменить сахар.

Дверь вдруг отворилась, и в комнату как-то боком и неуверенно вошел невысокий человек, лет 60, плохо выбритый, с редующими пегими волосами и неуловимым взглядом маленьких бегающих глаз.

Увидев, в каком мы состоянии, он молча достал из спичечного коробка какую-то бурую (мазь? – погуще однако мази) с едким специфичным запахом и предложил каждому на ногте скрюченного грязного пальца маленький кусочек.

Минут через 10, после обильного, но уже не холодного пота, нам стало значительно лучше.

«Медвежья желчь это», – глуховатым, слегка гнусавым голосом пояснил человек.

«Могильников я – Евтихий, можно кружечку?»

Так мы встретились с живым свидетелем восстания 1932 года.

Выпивая кружку «мальвазии» за кружкой, он то подымая, то опуская по-прежнему неуловимый взгляд, и как-то без особых эмоций рассказал нам, что восстанием руководил его ближайший родственник – Ефим Могильников, и что Улунгу отряд ОГПУ захватил только на пятый день.

«Мне в ту пору только 17-й пошел, не убивал я никого, по зимовьям скрывался вначале. А потом вокруг деревень, да и деревень-то уже не было, стал покойников (наших, стало быть) находить, мужики, бабы, иногда попадались, много их было... А уж дело к скорому снегу-то шло. Подумал я, подумал: им-то, мертвякам-то, все равно уж и стал их на приваду (приманку, стало быть) растаскивать по тайге-то.

Дух от них, конечно, тяжелый был и сам я этим духом пропах насквозь, но ничего потом принюхался, почитай мертвяков-то 20 растащил, да и капканы приготовил, на росомаху, соболя да разные, по зимовьям их много нашлось. Да вот однажды ночью меня пинком разбудили, в зимовье ночевал я, выше по течению от Барановского хутора, да хутор-то уже спалили чекисты, а меня нашли, стало быть, случайно, сами искали, где погреться, наверное. Отправили меня в Хабаровск, а я почитай сроду в городе-то не был. И припаяли 15 лет, а за что, отсидел я да и вернулся сюда вот. Наших-то всех, кого знал, да и родню мою, говорят, расстреляли всю».

Потрясенные рассказом, забыв про «мальвазию», да и про все остальное, мы лежали молча.

И показалось мне (ну не от «мальвазии» же), что потянуло от Евтихия отчетливым запахом тлена!

«Ну вот разговорился я что-то», – вдруг засобирился он.

«Щас вот, 17-ю кружечку допью (а я завсегда считаю) да и пойду. Благодарствую за угощеньице, не обессудьте коли, что не так».

«Открой дверь – душно что-то стало и дрянью какой-то воняет», – вдруг отозвался с нар Виктор.

5. Ровно один год спустя. Улунга, Зева, конец августа 1973

В конце августа 1973 я снова оказался в Улунге – один с рабочим (тоже Володей).

Мне предстояло отработать площадь на левобережье реки Зева в бассейне ключа Трофимовский.

До зимовья в устье ключа нас доставил, конечно же, Андроныч, то и дело задевая винтом мотора о каменистое дно заметно пересохшей речки.

«Значит, через неделю забирать, да, Володя?» – и оттолкнулся шестом от берега.

Зимовье (барачек по-здешнему) оказалось небольшим, чистым, но, к сожалению, без печки. Охотник, по-видимому, решил сменить ее и еще не завез.

Проснулся я от того, что лунный луч, прорезав через скудное оконце зимовье, осветил ближний угол каким-то призрачным зеленоватым светом.

Накинув куртку, я вышел и вдруг почувствовал робкое, еле ощутимое дыхание осени, сбросившей еще не ломкий, пахнувший почему-то дымом листок мне на плечо. Я снял его бережно и, держа в руке, как билет на долгожданный спектакль, тихо и счастливо рассмеялся. Мохнатые ресницы звезд над головой вдруг задрожали, с трудом сдержав серебряную слезу, чтобы не уронить ее в бесформенную шапку птичьего гнезда на наклонившейся к ручью голой вершине огромной ели.

Рано утром мы вышли в первый маршрут и через полкилометра вступили в густой еловый лес.

Как он был непохож на зеленомошный ельник бассейна реки Арму, где мы начали полевой сезон!

Там чахлые, подгнившие, сломанные ели повсеместно проросли высокой вечно мокрой травой, с тучей комаров, облепляющих тебя при каждом шаге.

Здесь мы попали в настоящий заколдованный лес; то ли земля Берендеев, то ли владения Бабы Яги?

Огромные вековые ели, сквозь кроны которых едва просеивались лучи солнца, свисающие длинные «бороды» зеленого с сединой мха, чуть вздрагивающие от неощутимого ветра, и гнетущая тишина (именно гнетущая, до неприятного позванивания в ушах) создавали иллюзию присутствия кого-то невидимого, пристально наблюдающего за тобой.

Мы с видимым облегчением молча вышли за границу ельника и замерли, ошеломленные увиденным. Ошеломленные, потому что контраст между сумрачным лесом и

тем, что мы увидели, был просто невероятен! Как будто перед нами, сидящими в полутемном зале внезапно подняли занавес, заливая зал ярким волшебным светом с бравурной увертюрой невидимого оркестра!

Перед нами была, на первый взгляд, нескончаемая березовая роща! Да какая! До сих пор мы видели такую только в фильмах – сказках Роу и Птушко.

Удивительно ровные стволы, которые, казалось, выросли из невысокой густой, еще не тронутой желтизной травы, на которую невесомо не падали, а спускались редкие позолоченные осенью листья, закружив голову, как немислимый хоровод невест в длинных снежно-белых платьях.

Стояла тишина, но совсем не такая, как в ельнике. Это была обволакивающая умиротворяющая тишина, которую хотелось бесконечно слушать, забывая обо всем на свете.

«Беловодье! Истинно Беловодье!» – прошептал я, с пронзительной ясностью понимая, почему староверы выбрали эту землю.

Она, действительно, как земля обетованная, была в полной мере созвучна их образу жизни, помогала взаимоотношениям с творцом природы, окружающим миром и друг с другом.

Размышления мои прервал шепот Володи: «Тихо, ты! Молчи! Сейчас она выйдет!»

«Кто выйдет?» – не понял я.

«Ну, она! Понимаешь! Машенька или Варенька – да не все ли равно! С косою и корзинкой!»

Я посмотрел на застывшее в благоговении лицо Володи и понял, что совершенно не знаю его, проработав полгода рядом, и сколько мне еще придется учиться, чтобы хоть в какой то мере понимать людей, что является одной из величайших ценностей, дарованных нам природой.

А на третий день Володя потерялся во время маршрута.

Обычно он шел то слева, то справа от меня, в пределах так называемой «голосовой связи», постреливая из моей «мелкашки» рябчиков, которых он обычно во время обеда поджаривал на прутике и съедал полусырыми.

Но в этот раз или я увлекся, или он незаметно вышел из пределов слышимости, но так или иначе мой сорванный голос, метания по склону и выстрелы из нагана (мое ведомственное – императора Петра Великого Тульский оружейный завод 1905) были напрасны.

Усталый и расстроенный, поздно вечером я приплелся в барачек. Спал плохо или, скорее, не спал, постоянно прислушиваясь. Утром я опять вышел на левый борт Зевы и по нему пошел вверх, в надежде, что Володя переждал ночь и, согласно десятки раз повторенному, ждал на месте.

Смеркалось. Донельзя вымотанный, я выбрал место под двумя огромными листовницами из-под корней одной из которых вытекал светлый ключик с необычайно вкусной ледяной водой. Точнее это был не ключик, а родник почти правильной круглой формы, глубиной в полметра.

Что-то странное было в этом роднике, но что, я понять не мог и решил не забивать себе голову (забот и так хватало с лихвой). Из последних сил заготовил сушняка на костер, кое-как смастерил настил, запил водой банку «сгущенки» и мгновенно уснул.

Проснулся я от странных и совершенно незнакомых звуков – явственного женского плача-причитания или заунывной молитвы, исполняемой несколькими женскими головами. Костер почти погас.

Дрожащими руками (приснится же такое, к чему бы?) я подбросил сухих веток, яркое пламя разогнало темноту и вот тут я испугался по-настоящему! Напротив меня за костром сидела женщина.

Вся в черном, в черном же платке, из-под которого смотрели на меня огромные, немигающие, темные глаза.

«Не пугайся, монахиня – я, Вера! А сестры матушкой звали. Здесь они вместе со мной вверх по Каменному ручью».

«Человек, знакомый тебе, крест наш (не антихристовый) поставит, да нескоро это будет-то. Пусть уж упомянет нас, как невинно убиенных, а имена-то Пресвятая Богородица и так знает. Вижу – крещен ты, да среди тех, с красными звездами, начертанными от антихриста тоже крещенные были, только отреклись они от веры-то и не будет прощения им во веки вечные. Многие, ох многие, от суда мирского-то ушли, да суд-то Божий пострашнее будет. Ну, пойду я – идти-то далече, разговорилась, людей давненько не видела, прости меня грешницу, а работник-то твой, – почти ласково добавила она, – тебя около сруба поджидает, нашелся он».

Я еще долго всматривался в темноту, в которую она ушла, словно растворившись, сопровождаемая печальными криками совы-«сплюшки» и еще какой-то незнакомой ночной птицы.

Непреоборимый, какой-то внезапный сон сморил меня.

Вскочив, будто кто-то громко позвал меня по имени, я тупо смотрел на потухший костер, думая про необычный сон (а вдруг не сон это?)

И тут я понял, что странного было в роднике – в нем ничего не отражалось. Абсолютно ничего: ни мое лицо, ни небо, ни нависающая ветка лиственницы. Желая проверить догадку и заодно набрать воды для чая, я подбежал к роднику. И тут холодок снова пробежал по моей спине – воды в роднике не было!

Дно его было абсолютно сухое, как будто если и был родник, то очень и очень давно.

Голова закружилась от беспорядочно спутанных мыслей: ночное пение-плач, монахиня, родник...

Даже не позавтракав и не оглядываясь, я быстро зашагал назад.

Уже ближе к вечеру, на подходе к барачеку я увидел дымок от костра и причаленный бат.

Навстречу мне поднялись от костра Андронич и Володя со смущенно-виноватым видом.

Оказалось, что по плоскому водоразделу он незаметно для себя перевалил в долину реки Биамо и, проделав за два дня около 50 км, выскочил на берег реки Бикин, где его подобрал каким-то чудом проплывавший охотник. (Спустя два года Михалыч передал мне картонку от сахара-рафинада, найденную им в барачеке на устье Биамо, на которой углем написано: «Был здесь. Ушел искать наш маршрут. Володя».)

За чаем я рассказал о приключившемся со мною ночью и поразился, как изменилось лицо внимательно слушающего Андронича.

«Вот оно, как-то... Значит, не врал Толик. Ты, Володя, знаешь его по прошлому году. Толик Решетько, участок у него по правому борту ниже Санькиного ключа. Так вот он лет пять назад завозил на Зеву кого-то, то ли геологов, то ли еще кого-то, врать не буду, да и заночевал возле костра. А ночью, по его словам, монахиня к нему приходила. Ну я тогда посмеялся – любит Толик приврать, да и к спиртяге (а он у него завсегда есть) приложиться перед сном любит, а оно видишь-то как!?»

А теперь вот послушайте оба:

«Был на Зеве на ключе Каменном в 30-х годах женский скит. Сколько там было их, откуда пришли и кто строил скит, тогда-то никто не знал, а уж теперь-то и подавно, но notwithstanding монахиню-то у них Верой звали – это точно!» И выразительно посмотрел на меня.

«Когда чекисты-то пришли, то разное говорили – мол, не нашли никого там, наверное, через хребет ушли на Ххуцин, а там в Японию, да только не видел никто монахинь этих больше. Я так думаю, что после чекистов все они остались там убиенными да захороненными по нашему обычаю-то, вот она, матушка и бродит там – напоминает о них, да где их найдешь теперь, сколько лет прошло... А поминать, а вдруг и, правда, живы тогда остались, пусть даже не все? Как же их поминать – грех ведь!»

Андроныч уехал, обещая вернуться через три дня, а я с Володей засиделся у костра. Спать вроде бы и не хотелось, но сизая дрема после трудного дня уже какими-то волнами начала накатываться на меня.

Страшный хохот заставил нас вскочить, парализовав руки и ноги, и сердце, казалось, тоже!

Больше я никогда не был в тех краях.

В 1995 году по инициативе и при участии Александра Михайловича Паничева – человека после окончания геологического факультета, посвятившего свою жизнь изучению диких животных и ныне доктора биологических наук – на правом высоком берегу Улунги поставлен высокий староверский крест – «голубец», деревянные части которого для долговечности проварили в крепком соляном растворе.

На кресте фамилии 122 расстрелянных участников восстания. Им было от 24 до 42 лет. Думал ли я тогда, что через 20 лет в совершенно чужой стране судьба снова напомнит мне о тех далеких трагических временах.

6. Штат Орегон, США, осень 1993. «Здесь наш дом – на земле богоданной...» (Начетчик Иннокентий)

В 1993 году по контракту с областным управлением здравоохранения Магаданской области мы поставляли из США продукты питания, с которыми в это время в области было, прямо скажем, неважно.

Столкнувшись с проблемой поставки овощей и фруктов (соответствие цены и качества), мы случайно вышли на компанию из Орегона. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что это русскоязычная компания и принадлежит она староверской общине.

И вот мы в Вудборне, небольшом городке штата Орегон.

Здесь нас встретил худощавый невысокий человек с окладистой бородой в потертых джинсах и простой голубой косоворотке, застегнутой на плече простенькими пуговицами.

«Порфирий, а величают Иннокентьевичем, можно просто – Порфирий. За мной езжайте – ужо вечереет, да тут вряд будет».

Через полчаса мы въехали в живописную долину, расчерченную сеткой полей, ухоженными строениями ферм, небольшими стадами черных и черно-белых коров, фруктовыми садами.

«До чего “похоже” на наши деревни», – подумал я.

Грузовичок «Тойота» затормозил на неожиданно открывшейся за яблоневым садом просторной улице со стоящими по обе стороны добротными домами с цветущими палисадниками.

«Приехали, пошли, умоетесь с дороги, да потрапезничаем, чем бог послал. Гостевой дом – это, извиняйте, что не так, для гостей это, приезжих – стало быть».

Чистая просторная комната с двумя кроватями, застеленными лоскутными одеялами, самодельный аккуратный дощатый шкаф для одежды и небольшой буфет – горка с посудой.

После душа мы вышли в затененный дворик, где рослая, пышущая здоровьем молодая девушка, накрыв вкопанный до блеска выскобленный стол и сложив руки на груди, с нескрываемым любопытством смотрела на нас. Русые с золотинкой густые волосы ее были покрыты платком, не закрывая лоб, с тронутого загаром лица с россыпью веснушек, смотрели васильковые глаза, а длинная, ниже колен юбка, скорее, подчеркивала ее фигуру, чем скрывала, во всей красоте молодости.

«Что, хороша девка-то?» – глядя на нас, рассмеялся Порфирий.

«Ступай, Агаша, не надо тебя больше».

«Кушайте на здоровье» – грудным голосом пропела она и с полупоклоном прошла мимо нас, обдав волной каких-то приятных знакомых запахов.

«А ведь яблоками пахнет», – вырвалось у меня.

«Как есть – яблоками, – серьезно подтвердил Порфирий. – У нас все девки баские да на руку скорые, от того-то и пахнут так».

«Молитву исправить надо – перед трапезой-то, а как неверы вы, то не возьмите в тягость “аминь” в конце сказать – чай язык-то не отсохнет».

Он достал из кармана красиво украшенную листовку и со смущенным видом спрятал ее обратно.

Мы наконец оглядели стол. На деревянных блюдах лежали свежий крупно нарезанный серый хлеб, немислимых размеров румяные пироги, белоснежная квашеная капуста, соленые огурцы, помидоры.

«День-то постный», – словно извиняясь, проговорил Порфирий.

В центре стола глиняный кувшин с квасом и небольшая (литра на полтора всего-то) запотевшая бутылка с прозрачной жидкостью.

Я сразу обратил внимание, что посуда наша отличалась от посуды Порфирия. Как будто заметив мой взгляд (а, может, и впрямь заметил?), – негромко он произнес:

«Посуда-то мирна – токмо для гостей, извиняйте уж! Здравы будем, – и ловко налил в граненые стаканы. – Самогон мой, давеча справил. Да я крепкий-то сам не уважаю, градусов 70, не более!»

После второй Порфирий разговорился, и мы с удивлением узнали, что ему всего 34 года, а детишек бог дал пока всего пятеро, и что отец его, Иннокентий Евсеевич, начетчик здешний (вроде попа вашего – мы-то беспоповцы, стало быть, будем).

«Сейчас почитай у нас дворов 60 с гаком осталось, а было почти под сотню. Лет 20 назад на Аляску подались первые-то, жизни, стало быть, лучшей искать, за ними и другие, а я так думаю, что жизнь-то она там, где дом твой, верой да молитвой крепкий, семья твоя да детишки – нешто можно лучше-то найти?»

Вот мы Старцевы сколько лет-то ее ищем – жизнь лучшую и в Китае, и в Бразилии, а она вот здесь». И он обвел руками вокруг.

«Отец-то мой с Дальнего Востока – да расспросите его сами завтра, коли охота есть, а таперича спать надо, встаем-то по темну еще».

Я, по обыкновению, встал рано и вышел. Белая взбитая перина тумана, как бы нехотя сползала с долины под ласковыми руками утреннего солнца, горластые петухи уже заканчивали переключку, где-то слышалось мычание коров, певучая размеренная речь – поселок проснулся.

Вечером, опять же с непременно угощением, мы встретились с отцом Порфирия – Иннокентием.

Невысокий, плотный, с заметно наметившимся брюшком, борода и усы с густой проседью и очки в круглой железной оправе – таким мы увидели одного из самых уважаемых людей в поселении.

«Да я мало что помню-то, да и времени прошло сколько. Мне ведь в 1932 году-то 5 годочков-то и было. Отец рассказывал, что с Каменки (село такое в Приморье было) в Китай они скрытно ушли. Там мы и жили аж до 1958 года; отец мой, мать, два брата и сестра захоронены там. А потом Бразилия – тяжелые времена были, и вот тут уже нашли свой приют-то, на земле богоданной.

А о восстании мне отец рассказывал, брат-то его Иосиф вместе с Могильниковыми, Кулагиными да со своим побратимом Ванькой Токаревым эти дела и вершили. Праведные были люди, коль мученическую смерть за веру от антихриста-то приняли. Прощайте пока – мне вечерню исправить надо».

Всю обратную дорогу мы молчали.

Я понимаю теперь, что мы думали об одном и том же – о тех духовных скрепах, которые на века, да именно на века помогли потомкам староверов сохранить любовь к России (язык, уклад жизни и главное – духовные ценности, те, которые заложены в самую основу формирования человека, как личности, и в первую очередь его отношения к Родине).

Как им удалось это сохранить? Только ли ВЕРОЙ?..

Ответ пришел не сразу и трудно.

В 1998 году мне посчастливилось познакомиться в США с потомками белоэмигрантов, прошедших крестный мученический путь через Шанхай и Харбин и поддавшихся цинично лживым уговорам эмиссаров вернувшимся в 1939 году в Россию.

(Советую трилогию Марины Дороговой «От жизни к жизни», издание «Мир Коллестин», Нью-Йорк, 2001. С автором – потомком старинных дворянских родов – имел честь быть знаком и даже отведал несколько потрясающе вкусных блюд из ее книги «Исконно Русская Кулинария», Нью-Йорк, 2004.)

Они в свою очередь рассказали мне о потомках тех, кто эмигрировал в США после революции 1917, и достаточно компактно проживающих в небольшом городке Ново-Дивеево на севере штата Нью-Йорк.

Кстати, на кладбище в Ново-Дивеево покоится дочь Льва Толстого, жена и семья барона Врангеля и много других известных в свое время людей.

Меня поразило не то, что они сохранили язык, отношения друг с другом (этикет, если вам так удобнее), их отношение к России, которую они не иначе, как Матушка не называли!

Это та Россия, которая отняла у них все, исковеркала жизни их и поколений.

И вторично меня потрясло отношение к России со стороны новых эмигрантов из страны, начиная с 80-х годов: злобствующе-пренебрежительное отношение к «Рашке» (по-другому они ее не называют).

Большинство их безразлично относится к тому, что их дети не говорят по-русски и не учат язык, не читают русских книг и не смотрят русские фильмы, не слушают русскую классическую музыку.

Есть среди них немалая часть, которая даже гордится этим?!

Как быстро они забыли страну, которая их вырастила и выучила!

Парадоксально, но во всех странах дальнего зарубежья, где мне удалось побывать, потомки тех, кто уехал из России во время революции и после Гражданской войны сохранили бережное отношение к Матушке, сберегли и хранят ее духовные скрепы.

Практически во всех крупных университетах Америки на кафедрах славистики студенты со всего света изучают и восторгаются творчеством Толстого, Чехова, Достоевского, слушают Чайковского, Бородина, Глинку.

Студенты из русскоязычных семей составляют на этой кафедре менее 3 %!

Мне приходилось выступать на кафедре славистики в старейшем в Америке и очень престижном Корнелльском университете. Все студенты в зале сидели с наушниками синхронного перевода. Все.

Значит, дело в другом, в том что мы – потомки тех «мутноглазых» комсомольцев, которые жгли помещичьи усадьбы и дворцы, подавляли мятежные Кронштадт и Тамбов, взрывали храмы божьи, выкорчевывали с корнем Веру, расстреливали и гноили в лагерь последних хранителей духовности народа.

Так неужели генетическая память духовности, заложенная в нас веками, была уничтожена в течение всего-навсего каких-нибудь не полных ста лет?

Не верю!

Через два дня мы возвратились в Сизтл.

Больше встретиться не довелось, а жаль...

Кто мог предположить, что эхо событий 1932 года отзовется через 60 лет, найдя отклик в моем сердце, и в какой-то мере изменит отношение к людям и их судьбам.

Такое долгое, долгое эхо ...

Недавно я получил известие, что в село Лаухе (нынешнее – Дерсу) возвратилось несколько семей староверов! Неужели правда?!

ОКО ГОСУДАРЕВО

Да, уж – смеркнулось...

А. Степанов, инспектор РГТИ

Хочу рассказать вам о грозном и всемогущем проверяюще-надзирающем органе горно-технической инспекции – РГТИ (Око Государево, как они любили себя называть).

Как вы знаете, уважаемый Читатель, ни одно производство не обходится, в той или иной мере, без нарушений массы инструкций, циркуляров и других документов, регламентирующих работу предприятия.

Будучи абсолютно согласен с утверждением, что все правила техники безопасности написаны кровью, тем не менее, смею утверждать, что очень часто сталкивался со своеобразным «эффектом привыкания», когда, на первый взгляд, незначительные и малозначимые нарушения просто перестают восприниматься, как таковые.

Так вот, при желании, плохом настроении и, просто из вредности, РГТИ могло использовать любое нарушение для приостановки производства (буровых, горных и других работ), поэтому каждый их приезд в Поселок воспринимался (без паники, конечно), как событие, близкое к стихийному бедствию.

Итак, был март.

Я всегда любил, да и сейчас люблю в весне именно март.

Март на Территории – это даже еще не ранняя весна с ее безотчетным томлением и светлой грустью по медленно умирающему и теряющему, вследствие этого, свою непорочную белизну снегу. По выраженной степени недосказанности и смутной неопределенности март можно сравнить с женщиной, которую вы так долго искали и, кажется, наконец встретили, но сохраняя робкую надежду на взаимность, совсем не уверены в этом.

Она то призывно взмахнет ресницами, даря вам долгожданную надежду, то обдаст ледяным холодом, проходя мимо, как будто не замечая вас. Нет, это не расчетливое кокетство ветреницы, скорее, это боязнь ошибиться в пробуждающемся чувстве, и безмолвная просьба подождать... не торопить ее.

Именно в конце марта главный инженер в своем кабинете представил меня высокому плотному мужчине в очках лет 50, с сурово-неприветливым лицом, одетому в меховой кожаный реглан.

«Володя, вот Борис Павлович имеет немного свободного времени и хочет порыбачить.

Но так, чтобы ловилось...Ты подбери место, ну и прочее там...»

Мужчина этот был никто иной, как Борис Павлович Енбеков – глава РГТИ и гроза всех предприятий района, славящийся своей непреклонностью, крутизной нрава и непредсказуемостью решений.

Институт взятков в то время находился в зачаточном состоянии.

Вспомнив классика, хотели было борзыми щенками – да где их взять в тундре-то?

Обычно я выезжал в тундру с инспектором РГТИ Степановым, или попросту Николаичем.

Остановка на живописном месте, рыбалка на удочку, костерок ну и, конечно... да ну не больше трех рюмочек, чтоб не помер – под уху и неспешные разговоры.

«Да уж... смеркнулось...» – так, покачивая головой, он выражал почти все эмоции. Мы почти подружились, сохраняя при этом необходимую в таких случаях дистанцию. Вечером я с Сергеичем допоздна утрясал детали поездки.

«Володя, ты смотри, не подкачай, сам понимаешь, не маленький, он, брат, таких дел может наворотить – мало никому не покажется. Никого не бери и лишнего не болтай».

Все было понятно (не впервой), да вот только Пинтяшин (мой надежный вездеходчик) был в отпуске и ехать предстояло на вездеходе Васи Табакова.

О Васе и его вездеходе ходили такие небылицы, в которые я не верил, пока собственными глазами не увидел бензонасос, подвязанный грязным нейлоновым носком.

Сергеич попытался развеять мои сомнения, сказав, что вездеход будут всю ночь готовить два механика, а вездеходчика он запугал увольнением, если что не так.

Договорились ехать на Алькаквуньские озера по следующим причинам.

Первая и самая главная, что там пару раз был Вася. Вторая – там был довольно сносный балок с печкой. Третья – рыба (мальма – ручьевая форель) сейчас там ловилась хорошо.

Далее Сергеич заверил меня, что дрова, спальные мешки, продукты, посуда и рация уже загружены в вездеход.

Выехали рано, затемно. Видимо, посоветовавшись с Сергеичем, Борис Павлович уступил мне место в кабине. Доехали без приключений, остановившись один раз, послушали шепот звезд на угольно-черном небе – верный признак сильного мороза.

Я предложил доехать до балка, который был хорошо виден километрах в трех, разгрузиться, перекусить и вернуться для рыбалки.

Осмотрев балок, я обнаружил отсутствие столика и двух досок на двухъярусных нарах, видимо, использованных в качестве дров, но зато под нарами – половину оленьей туши!

Встревоженный молчанием, я вышел из балка и... еще долго вспоминал эту картину!

Служители Ока Государева в полной растерянности, близкой к ступору, стояли возле кучи дров, спальных мешков, ватников, валенок и ватных брюк.

Чуть в сторонке стоял ящик водки, на горлышки бутылок были аккуратно надеты четыре граненые стопочки.

И все! Продукты, посуда, рация (как выяснилось потом, упакованные в четыре ящика) остались в диспетчерской!

Из оцепенения всех вывел голос Васи:

«Мне кажется, что продуктов нет!»

«Для простого вездеходчика – ну просто удивительно догадлив!» – пробасил Борис Павлович.

И вдруг по блеснувшему солнечному зайчику на стекле очков я с удивлением увидел, что эта ситуация не то, чтобы ему нравится, а как-то забавляет, что ли...

«Я так понимаю, Кондрат (фамилия главного инженера была Кондратенко) это все нарочно, устроил, да, Володя? Проверить РГТИ на выживаемость в условиях зимней тундры, так сказать...»

Ну, в темпе – переодеваемся, по стопке и рыбачить! Зря, что ли, в этукую даль забрались. И что у нас с закуской?» – и он извлек из портфеля (понятно, зачем он его взял с собой) палку колбасы, баночку шпрот, пачку индийского чая и бутылку коньяка «Плиска».

У нас с Николаичем тоже кое-что нашлось, не густо, правда, но зато целая буханка хлеба.

У Васи из припасов была только слегка погнутая и неимоверно грязная ложка!

«У вас и этого нет», – обиделся он.

Стопочка еще больше подняла настроение, и с веселыми шутками отправились к месту рыбалки.

Знали бы мы, что нас ждет – шуток бы, я думаю, поубавилось бы...

Было очень тихо. Снег нестерпимо блестел под лучами трех солнц – двух ложных, что наблюдается только при сильном морозе. А мороз и в самом деле был сильный, превратив «Плиску» в густую жидкость цвета кофе с молоком, а тушенка в единственной банке не разогревалась в банке на костре, обгорая по краям.

Зато рыба ловилась... Ни до, ни после я не припомню такого зимнего клева!

Я увидел, что Борис Павлович сгребает со льда рыбу в кучу голыми руками, цвета вареных раков, и понял, что стало еще холоднее.

«Ну – почин добер, добер!! Поехали отдыхать», – скомандовал Борис Павлович.

Весело трещавший огонь в печке, отдававшей тепло, озарял часть балка причудливо меняющимися светом и густыми тенями, и вдруг я снова ощутил неровное дыхание времени, уносящее в небытие этот летящий в бескрайнюю ночь одинокий балок на краю света, в чудовищно несправедливой неповторимости всего происходящего с нами.

«Принеси-ка переноску, Вася!»

«Сейчас», – неохотно пробурчал тот.

Ярко вспыхнув на миг, переноска погасла.

«Лампочка, наверное, перегорела», – неуверенно сказал Вася.

«Ну так, замени!»

«Так у меня больше нету!»

«Ну все, тогда – глуши мотор!» И после скудного ужина со стопочкой стали ложиться спать.

«Я вот в книжке читал, что чай можно жевать!» – неуверенно из спального мешка просипел Вася.

«А я вот думаю, что вездеходчикам вообще вредно книжки читать», – прогудел Борис Павлович.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь слабым потрескиванием дров в печке.

Я по обыкновению не мог уснуть. Мысли мои вновь и вновь возвращались к Борису Павловичу, чуть слышно похрапывающему в спальном мешке. За сутки, проведенные вместе, я увидел его другим, совершенно не схожим с его образом и репутацией, созданными годами нелегкой службы.

И вдруг я понял – он просто на это время сбросил надоевшую маску, да именно маску, одну из великого множества, согласно бессмертной фразе У. Шекспира.

В каждом из нас до самого конца живут десятки и даже сотни людей, маски которых мы меняем, сообразно обстоятельствам.

Заранее соглашусь с тем, что у многих людей эти маски (или большая их часть) всю жизнь пролежали, засыпанные нафталином в наглухо закрытых сундуках памяти.

Более того, я знаю людей, которые, надев маску, сохраняли или сохраняют один образ всю жизнь и, гордясь, не раз ставили это в пример окружающим!

Позвольте мне не поверить, что им ни разу в жизни не хотелось хоть на миг сменить маску на карнавале, именуемом Жизнь.

Шатобриан – злейший и непримиримый враг Наполеона – пишет, что из переданной ему рукописи с острова Святой Елены, сквозь маску Императора, описания побед и сравнения себя с Александром Македонским явственно проступает счастливая, глубоко ранимая душа нищего студента Парижской военной академии.

Так был ли Борис Павлович самим собой в эту поездку?

Кто знает...

А вы, мои любезные конфиденты, сколько масок сменили вы?

Когда вы были сами собой?

«Заводи, Вася, порыбачим еще по дороге и домой», – рано утром после стопочки под мороженую оленину бодро прокричал Борис Павлович.

«Заводи, заводи... у меня же не антифриз, а воду я с вечера слил!»

«И что теперь?»

«Сейчас нагреем воды – делов-то на копейку!»

Он набил в грязнейшее ведро снегу и поставил на печку.

«Этак мы за три дня не нагреем – костер разводи», – взял все в свои руки Борис Павлович.

На вопрос о паяльной лампе Вася беспомощно развел руками.

А мы с Николаичем попеременно до изнеможения пробовали крутить заводную ручку.

Отвлек нас громкий крик, переходящий в хохот.

Возле костра стоял Борис Павлович, высоко на весу держа ведро, из днища которого струей лилась вода?!!!

«Ну, да, там дырка, я ее все время пластилином залеплял – холодную воду держит хорошо, я вот думал, не знал, а оно вот», – сбивчиво бормотал Вася.

После безуспешных попыток использовать банку из-под шпрот в качестве заплаты на прогнившее днище ведра, тягостное молчание затянулось.

«Гаси костер, Володя, – дрова надо беречь. Сколько до полярников?»

«Километров 50, часов десять-двенадцать ходу, да хотя бы часа три-четыре – самую темноту переждать, да пока там... в общем – сутки...»

«Продержитесь, Борис Павлович?» – спросил я.

«Есть другие предложения?»

«Ну, тогда время не теряем – я пошел!» Поправив кухлянку (подарок Саши Кейсегина), проверив, на месте ли нож, спички, сунув за пазуху кусок мерзлой оленины и передав карабин Борису Павловичу (кого бояться в тундре?), я быстро зашагал по подмерзшему за ночь вездеходному следу. Отойдя километра два, с пригорка я увидел балок, вездеход, и три фигуры возле него.

Едва повернувшись, услышал раскатистый выстрел, за ним второй и увидел, что люди машут шапками и по-видимому, что-то кричат.

Почти добежав и еле переводя дух, я, не веря ушам, услышал звук работающего вездехода!!!

Оказывается, Борис Павлович (кто же еще), внезапно осененный, нагрел на печке остатки водки – 7 бутылок!! (прямо в бутылках – до критической температуры) залил в радиатор, крутанул ручку и... мотор завелся!

Запах из кабины, весьма и весьма, напоминал атмосферу разливочного цеха ликеро-водочного завода, но это только усиливало царящее веселье.

Часа через два, залив воды в радиатор (разумеется, из ведра с пластилиновой заплатай), мы уже с наслаждением прихлебывали обжигающе-горячий чай на полярной станции.

На следующий день, ближе к обеду, позвонил Сергеич.

В кабинете стоял одетый в свой реглан Борис Павлович с тем же начальственно-барским выражением на лице. «Сменил маску» – подумал я

«До свидания, Владимир Анатольевич, рад был познакомиться!»

Стекла очков его вдруг блеснули (или мне показалось), и он достал из-за стола... новое оцинкованное ведро!!

«Васе передай! Будешь в Певеке – заходи!!!»

Вердикт РГТИ в этот раз был более, чем благосклонен!

РЭЖЬ, РЭЖЬ, ВОЛОДЯ

Лошади умеют плавать...
Но не хорошо. Недалеко.

Б. Слуцкий

Перегон лошадей! Звучит весьма романтично, и у большинства людей, как правило, мало знакомых с этим ассоциируется с бескрайними степями, табунами, загорелыми наездниками, с продубленными степным солнцем и ветром лицами, сидящими в седле «как влитые» и ловко бросающими арканы... Так примерно представлял это и я, студент, проходящий преддипломную практику в бассейне среднего течения реки Кувет (Центральная Чукотка).

За период практики (шлиховое опробование водотоков) я научился довольно ловко обращаться с покладистой и безропотной (хотя еще не старой) кобылой по прозвищу Теща, и гордился тем, что мог небрежно употребить в разговоре «подруга, недоуздок, потник». Поэтому на показавшийся мне довольно невинным вопрос начальника партии по поводу умения обращаться с лошадьми, не без оттенка хвастовства ответил, что не хуже каюра. Он как будто ждал этого ответа и без не присущих ему обиняков, объявил, что мне поручено ответственнойшее задание – помочь каюру в перегоне лошадей на базу-конюшню.

Наш каюр – Сослан Удугув, был, скорее всего, чеченец, хотя даже за то время, что я его знал, он успел побывать осетином, дагестанцем и ингушем, обладая крайне примечательной внешностью. На сухом, жилистом, без единой жиринки теле, почти прямо на плечах была посажена крупная, хорошо вылепленная голова с голым черепом и окладистой черной бородой, а улыбка обнажала кипенно-белые зубы с поистине волчьим оскалом. При волнении его большие черные глаза под кустистыми бровями начинали бешено вращаться, что при внезапной желтизне белков наводило оторопь даже на видавших виды собеседников. Лошадей он знал, как никто другой, и по-своему любил, часто разговаривая с ними на непонятном для нас языке, и они отвечали ему странной для многих привязанностью, выказывая ее при любом удобном случае. Я сумел заслу-

жить у него что-то вроде уважения тем, что у моей Тещи при придирчивом осмотре он не нашел признаков потертости спины и при потере подковы я немедленно привел ее на базу, избегая каменистых осыпей.

«Якши, якши», – гортанно проговорил он, узнав, что я назначен ему в помощники.

Два дня пролетело в сборах: проверке седел, выучных сум, продуктов на неделю и т.д.

Наконец, ранним сентябрьским утром, простившись с вечера со всеми сотрудниками партии, к подавляющему большинству которых я успел по-настоящему привязаться, мы двинулись в далекий, неизвестный мне путь. Мы – это шесть лошадей, ведомых меринком по кличке Букет, с неправдоподобно голубыми глазами навывкате и сопровождающие их лица – Сослан и я.

Утро было свежее, с ярко-синим, именно синим, осенним небом.

Внезапно прорезавший облако первый луч солнца окрасил все вокруг нежным светом, подчеркнув черноту каменных медальонов на фоне яркой палитры осенней тундры с преобладанием ярко-оранжевых и малиновых цветов. Слева возвышались кекуры гранитоидов Пырканыянского массива, напоминающие развалины сказочного дворца великанов, величественное безмолвие которых нарушал лишь пронзительный крик кружащего над ними северного кречета.

К вечеру мы прошли половину пути до переправы на р. Пегтымель и остановились на ночлег. Спутав лошадей и пустив их по еще летней зеленой луговой траве, поставили двухместную палатку, сварили двух застреленных в дороге уток, вскипятили чай и вскоре из палатки уже раздавался залиvistый храп Сослана.

Я решил еще посидеть у тлеющего костерка, подбросил сухих кустов чозении и, глядя на меняющееся пламя, задумался о скором прощании с Территорией, о встрече с однокурсниками и вдруг впервые еще не окрепшим сознанием ощутил правильность моего выбора профессии.

За размышлениями я, как-то не заметил, что со стороны реки уже вплотную подступили темные тени – предвестники Ночи, закрывающие луга и силуэты лошадей.

Лунный свет прокрававшийся сквозь распахнутые черные крылья Ночи, заключил реку и редкие долинные озера в свои голубоватые серебристые объятия.

Вскоре луна зашла, оставив меня наедине со звездами, вызывающими с раннего детства благоговейный трепет, и сейчас они – удивительные, до неприличности яркие над самой головой, наваяли мне глубокий сон, перешептываясь между собой, словно поверяя друг другу тайны, недоступные нам для понимания.

Я тогда не знал, да и не мог знать, что пройдет много лет и среди множества встреч, событий, городов и стран буду вновь и вновь в моей памяти возвращаться в эту удивительную ночь, как к незримому реперу моей судьбы.

Утро выдалось холодным, с нависающими гроздьями туманов, несущими смутное, ничем пока не объяснимое нехорошее предчувствие, осязаемого, казалось, даже лошадыми.

К обеду подул колючий ветер, сменившийся через час морозящим ледяным дождем.

«Яман, Володя, Яман, – с тревогой в голосе прокричал мне Сослан, – быстрее надо, быстрее!!!»

Лошади шли медленно, часто останавливаясь, фыркая, иногда с каким-то тоскливым ржанием, и к Пегтымелю мы подошли, когда уже почти стемнело. Костра развести не удалось, промокшие, злые, насухо перекусив, легли спать, быстро согревшись в кукулях.

Утром по-прежнему шел дождь, не прибавляя ни настроения, ни уверенности в сегодняшнем дне. Подойдя к косому перекату – единственному на много километров возможному месту переправы, мы с тревогой увидели, что он еле просматривается сквозь толщу мутно-серой, стремительно бегущей воды. «Может, переждем, когда вода спадет?» – неуверенно спросил я». «Ты знаешь, когда она спадет? Можэт, тэбе луна ночью говорил, а? – с ярко выраженным акцентом, вращая глазами, заговорил Сослан – Пэрэходить нада, сейчас прямо». По его указанию мы перевьючили лошадей: на Букета погрузили два кукуля, палатку, мой рюкзак и мешок Сослана, на Тещу – продукты, посуду и НЗ для лошадей – чуть больше полмешка овса. Я перекинул через плечо старенькую двустволку, проверил подсумок с 10 патронами и, подумав, сунул в карман еще три патрона с картечью.

Лошади упирались, но благодаря усилиям Сослана и Букета, которого он яростно тянул за повод, все-таки осторожно вступили на перекат. От ледяной воды, доходящей до пояса, буквально перехватило дыхание. «Ничего, ничего, – бормотал я про себя, – вот переправимся – а там!»

Мы уже почти прошли перекат, когда случилось непоправимое! Букет, шагнув в сторону, видимо, ступил в яму и мгновенно скрылся под водой, вынырнув с диким ржанием уже в нескольких метрах от переката. Дальше все происходило, как в замедленном кино – бурлящая вода, заливающая лицо, сбившиеся в беспорядочную кучу плывущие лошади, безумные глаза что-то кричащего на своем языке Сослана. Вдруг я увидел, что Букет изо всех сил пытается удержаться на поверхности, но намокшие спальные мешки тянут его вниз, под воду. В руке у дико орущего Сослана сверкнул отточенный нож, с которым он никогда не расставался. Взмах – и освобожденный от ноши Букет с призывным ржанием потянул лошадей к заветному берегу. Теща – моя верная кобылка – тоже пыталась плыть со вьюками, но заметно теряла силы.

«Рэжь, рэжь! Рэжь, Володя! – кричал Сослан. – Рэжь!». Я, подобравшись к Теще, перерезал подругу и, лошадь, как мне показалось, с благодарным ржанием, устремилась вслед за остальными.

Метров через 500 нам удалось выбраться на сравнительно отлогий, поросший чахлым кустарником берег.

«Якши, Володя, якши, – приговаривал Сослан и вдруг, обнажив в дьявольской улыбке крупные белые зубы, тихо сказал: – А плавать-то я савсэм не умэю».

Дул пробирающий до костей холодный ветер, заставляя крупной дрожью дрожать нас и лошадей.

«Нэ стой, Володя, нэ стой – как я дэлай», – он начал быстро резать ножом траву и ее пучками растирать притихших и понурых лошадей.

«До фактории километра три, иди быстро нада, мы сагрэемса – лошади сагрэютса». Меньше, чем через час, мы уже стояли у дверей фактории. От лошадей валил пар, да и от нас, наверное, тоже. На фактории не было никого, было холодно и неудобно.

«Пэчку топи, Володя, быстро пэчку топи», – собирая старые оленьи шкуры, какие-то ремни, обрывки веревок, бормотал Сослан. Выйдя за углем, я оторопело увидел, что все лошади накрыты шкурами, стянутыми ремнями и Сослан тянет их на зазывно зеленоющую луговину справа от фактории. В который раз я поразился, что в первую очередь, он думал о лошадях.

Вскоре сидя в одних трусах возле печки и развесив мокрую одежду, мы, так сказать, подвели итоги весьма и весьма неутешительные для нас. До базы-конюшни оставалось,

по словам Сослана, километров 100, или минимум 4 дня пути по тундре. Мы остались без сменной одежды, спальных мешков, палатки, всех продуктов, посуды – все это унесла река. На дверях склада, за счет которого мы рассчитывали поправить положение, висело два огромных замка, ключи от которых мы безуспешно пытались найти, обшарив все углы. В самом помещении мы обнаружили 15 коробок спичек, начатую пачку сахара, жестяную банку с чаем, изрядно попорченную мышами; пачку галет и две пачки соли. Правда, у нас еще оставалась моя двустволка, 13 аккуратно высушенных патрона и два ножа.

Незаметно наступил вечер, и, выпив неимоверное количество чая, мы забылись тревожным сном: серая бегущая вода, оскал лошадиных морд и крики: «Рэжь! Рэжь, Володя!»

Рано утром мы двинулись дальше. На спине Тещи были увязаны четыре наименее вонючие олени шкуры (одну под себя – другой накрыться), кастрюля с оторванной ручкой, с большим трудом очищенные две кружки с отбитой эмалью и чайник. Не буду утомлять вас описанием последнего перехода, так как ничего примечательного не произошло. Стоит только отметить, что наш рацион состоял исключительно из вареных грибов и чая, да еще на второй день Сослану удалось поймать в ручье руками крупного хариуса.

Мне не пришлось ни разу выстрелить – тундра точно вымерла. На пятый день, еле передвигая ноги, мы добрались до Паляваамской базы, состоящей из двух домов и длинного здания конюшни. И тут неожиданно я увидел вертолет Ми-4, от которого странной подпрыгивающей походкой быстро направлялся к нам невысокий человек, весьма непрезентабельно одетый. Не доходя несколько метров до нас, не обращая внимание на меня закричал: «Сослан, мать твою! Где тебя черти носили? Ты когда должен был прийти? Когда, я тебя, твою мать, спрашиваю?»

Белки глаз Сослана не только начали желтеть, но и покрылись кровавыми прожилками. Подступив почти вплотную к человеку и бешено вращая черными глазами, он придушенным голосом зашипел: «Канстантыныч – ты там был? Там такие горы! Казбэк знаэш? 10 раз вышэ!! А рэка? Тэрэк-знаэш?» Тот оторопело кивнул. «10 раз ширэ!»

Человечек примирительно махнул рукой: «Да ладно, ладно я так... А это что за чучело с тобой еще? Что-то не припомню...»

«Чучело» – со слипшимися грязными волосами, в неимоверно грязной одежде, покрытой клочками вонючего оленьего волоса – прохрипел: «Студент я, практикант.»

Сослан, положив мне руку на плечо и уже заметно успокоившись, веско произнес: «Чэловэк будэт, Константыныч...» (Впоследствии я узнал, что это была высшая похвала Территории.) «Давай быстро в вертолет, студент, домой летим, когда будет следующий – не знаю, может, дней через 10», – бросил на ходу мне человечек.

Мы крепко обнялись с Сосланом, и, повинувшись внезапному порыву, я подбежал к Тёще, обнял ее за морду, и она потянулась ко мне бархатными губами, будто прощаясь. В глазах нестерпимо защипало, и чтобы скрыть набежавшие слезы, я нагнулся поправить выбившиеся из сапог потерявшие цвет брюки.

Уже в Певеке я узнал, что случай свел меня с легендарным Львом Константиновичем Хрузовым – соратником «Будды» (Чемоданова) из «Территории» О. Куваева – последним хранителем традиций Территории и одним из творцов ее истории.

Ровно через 10 лет я стоял напротив косого переката, да-да, того самого переката и из толщи бегущей воды вдруг явственно проступили оскаленные морды лошадей, безумные глаза Сослана, конский храп и еле различимый крик: «Рэжь! Рэжь, Володя!»

Еще через два года я случайно узнал, что Сослан утонул при переправе через реку Энмываам, спасая жеребенка. Он действительно не умел плавать...

ЗА ПАЙКУ

Впервые в Нью-Йорк я приехал в середине 1994 года после настойчивых уговоров одной моей знакомой, переехавшей в США в 1991 году. К этому времени я уже успел объездить все Тихоокеанское побережье от Британской Колумбии до Сан-Диего, пересечь Аляску от Анкориджа до Нома и, не без оснований, считал, что представление об Америке имею.

С первых минут пребывания в Городе Большого Яблока я убедился в абсолютно верном утверждении, что Нью-Йорк – это не Америка! Я не хотел бы в этом коротком рассказе передавать свои впечатления о Нью-Йорке, тем более, что лучше, чем Василий Аксёнов в романе «В поисках грустного бэби», про этот город глазами русского эмигранта никто не написал, да и вряд ли напишет. (Нисколько не хочу обидеть Э. Лимонова «Это-я, Эдичка.»)

Или я, может быть, напишу о Нью-Йорке?? Потом... если захочу... если у меня будет время...

Моя знакомая обитала с семьей в небольшом таун-хаузе (двухэтажной квартире, встроенной в комплекс однотипных квартир, обычно не менее 4-х, с общим двором, гаражами, нередко с бассейном. Вряд ли я бы останавливался на этом, если бы моя знакомая не жила на Стейтен Айленде – огромном острове, расположенном к югу от центра города.

Добраться до острова можно было только на пароме, который ходил каждые полтора часа.

Так вот с палубы парома открывался самый потрясающий вид на центр города – остров Манхеттен!

В солнечную погоду изломанное солнце слепило глаза, отражаясь в многотысячных зеркальных окнах небоскребов, казалось, выраставших из земли.

В дождь и туман вершины небоскребов парили в воздухе над пеленой туманов и исчезали в облаках, создавая иллюзию бесконечной высоты.

Прошу простить, дорогой Читатель, но мы немного отвлеклись от темы повествования.

Итак.

После ужина в маленькой уютной гостиной, обставленной недорогой, но добротной мебелью я встретился с отцом моей знакомой, специально приехавшим из Бруклина, чтобы поговорить с человеком из Магадана.

Передо мной сидел довольно еще крепкий мужичок (да именно – мужичок), очень маленького роста, с большой лысиной, с любопытством рассматривающий меня ма-

ленькими с нависающими морщинистыми веками глазками из-под седых кустистых, будто тронутых местами молью, бровей. Он долго и подробно расспрашивал меня о Магаданской области, поселках, колымской трассе, но особенно его интересовала, к моему удивлению, судьба и нынешнее состояние бывших лагерей Гулага.

Вдруг он спросил меня, приходилось ли мне бывать на месте лагеря «Хениканджа?»

«Да, был я там три года назад, дорогу всю перемыло – поселок-то закрыли почти 20 лет назад, но мы на вездеходе пролезли».

«И что там?» – как-то неестественно жадно спросил он.

«Да почти все, как и везде – полузаваленные бараки с проржавевшими буржуйками, ржавые рельсы, вагонетки, тачки, отвалы и хвосты фабрики, колючка ржавая на столбах гнилых уже.

Вот карцер сохранился, или БУР, как его называли – барак усиленного режима.

Представляете – буржуйка только в коридоре, а по обе стороны клетушки с дверями, железом обитые!

Ну, летом – куда ни шло, а зимой?

Через ручей – домики охраны и начальства – те получше сохранились.

Когда мы ехали туда, то знали, что лагерь это был женский, на базе прииска по добыче олова. (*Хениканджа, в переводе с эвенкского – «долина, где много рябчиков»*).

Женщины выполняли всю мужскую работу – проходили штольни, бурили, откатывали в вагонетках и тачках оловянную руду, валили лес для крепежа выработок, получали и вывозили с фабрики оловянный концентрат.

Вот только никаких признаков, что это был женский лагерь, мы не нашли. Груда заскорузлых и скрюченных от времени ботинок за одним из барakov была одного размера – не менее 42-го.»

Я вдруг обратил внимание, что в гостиной мы остались вдвоем.

«Женский это лагерь был! Женский!» – вдруг перебил меня он.

«И назывался он – ЛО-1 – особый лагерь с усиленным режимом.

Женщины эти были все с Западной Украины – бендеровки – и с Прибалтики – лесных братьев подруги».

«А Вы откуда знаете?»

«Оттуда» – усмехнулся он.

«Я на этом лагере начальником роты охраны служил. За ручьем этим (не помню уже, как он назывался – Бушуй, что ли) мы и жили.

С легкой руки Стёпки Митрохина – зама моего, место это Гарнизон прозвали.

Вот скажу тебе – была жизнь! Любая за пайку, а то и просто так – к твоим услугам!

За банку тушенки готова была всю ночь ублажать, да еще воды нагреет и ноги тебе и прочие места вымоет после трудов-то праведных.

Не понравится – в барак к ребяташкам из охраны – никогда не отказывались!

А несогласных (были и такие) в карцере гноил, потом в больничке сдыхали! Зэчки-бендеровки да латышки, что их жалеть!»

«А они там, у себя на их родине, в лесах ихних жалели наших?» – и его маленькие глазки зажглись неприкрытой злобой.

«Ты представляешь, им ватные штаны выдавали, только когда мороз ниже минус 30, а так обычные зэковское ХБ!!!

Так они на смену топают – ваты из матрасов надергают да в штаны и напихают!

Идут – ж... у всех оттопырены, как гусыни перекормленные! Смех да и только!

А ты стоишь в полушубке, покуливаешь и гадаешь, у кого какая, а то и на спор с «вертухаями».

И ты представляешь, стервы еще рожать наловчились от вольнонаемных, да и от нас, от вохры тоже!

Опять же на легкий труд переводили, да много их было, кто ж работать-то будет??

Пришлось начальству даже Дом ребенка организовать. Помню, что дохли они, как мухи – выб...ки-то эти, а что ты хочешь – недоноски большинство, а некоторые прямо в бараках, а то и на работе рождались.

В конце 1951 перебросили меня в Дорлаг – Адыгылах, приходилось бывать тебе?»

Я кивнул.

«Ну там, прямо скажу, поскучнее было насчет женского пола, так когда нуждишка припрет – подкормишь вольняшку какую или из бесконвойных особенно с детьми – кушать-то всем надо.

А потом в 55-м сначала сошелся с Анютой – учетчицей нашей из вольных, через полгода расписались, а там и Ниночка наша родилась, дай ей бог счастья.

В конце 58-го уехали мы на материк, деньжата я скопил по тем временам немалые, на всем готовом жил.

А потом Ниночка за еврея замуж вышла, а вскоре и внучка у меня появилась.

Мы-то с тобой – русские люди (он подмигнул мне), их не любим, но Миша вроде ничего – уважительный, да и к Ниночке хорошо относится, любит, судя по всему, не курит, почти не пьет – по праздникам только, по нашим, свои-то еврейские не знаю, отмечает или нет...»

Он еще что-то говорил, но я уже ничего не слышал, глядя на его плюгавую фигуру (про таких говорят – соплей перешибешь), и с огромным трудом скрывая гадливость (именно не презрение, а гадливость), представил, как он, сморчок, упивался предоставленной ему властью, не ограниченной никакими законами и просто человеческими понятиями.

Больше всего меня поразила даже не будничность его рассказа, а какая-то ностальгия по тому времени, и я в который раз подумал, что же у нас за страна была, воспитавшая людей с исковерканной психикой, людей, гордившихся тем, что они были НЕ-ЛЮДЯМИ??

Сидящий напротив меня, что-то горячо говоривший, конечно же, ни о чем не жалел, был, по его словам, прекрасным отцом и любящим дедом.

Последней фразой его было:

«Пенсию вот дочка от Америки помогла выхлопотать, да не сильно разбежишься на нее-то... С России получаю вот тоже, оформили как ветерану внутренних войск...»

Больше я никогда не встречался с моей знакомой.

Я понимал, что она-то ни в чем не виновата, но пересилить себя, как не старался, не мог, представляя сидящего передо мной ее отца.

Его уже давно нет с нами, и должен вроде бы простить его – но я не прощаю!

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ И.О. НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

Еще вчера вечером он ощутил неясную тревогу, какое-то, ничем не объяснимое предчувствие чего-то очень неприятного, и тот остаток ночи, что был отпущен ему – нынешнему Хозяину Поселка – он практически не спал. Впрочем, за тот, еще не полный месяц, в течение которого он исполнял обязанности Хозяина, он вообще спал урывками, нередко засыпая за кухонным столом.

Вот и сейчас за третьей чашкой крепчайшего чая он попытался в который раз осмыслить, что же произошло, происходит и, возможно, будет происходить в ближайшем будущем.

Еще меньше месяца назад он был главным геологом экспедиции, выполняя свои многосложные, но отлаженные временем обязанности с четкостью давно заведенного часового механизма.

И все же он, как и все в Поселке, чувствовал большие перемены, не хотел их, но ждал, как никто другой понимая, что экспедиция (или Поселок, неразрывными узами связанный с ней) свою задачу выполнила – подготовили к эксплуатации крупнейшее золоторудное месторождение.

Где-то он прочитал, что человек (да, впрочем как любой организм) умирает в двух случаях:

- когда он выполнил свое предназначение;
- когда он не выполнил его и не собирается выполнять.

И он прекрасно понимал, что его назначение (согласия которого, разумеется, никто не спрашивал) – это временная мера и в какой-то мере отчаянная попытка на какой-то период сохранить коллектив и поселок для принятия единственно верного решения.

Ему и в голову не могло прийти, что он – геолог – будет ежедневно, а то и ночью решать вопросы настолько, настолько, возможно, далекие от того, чем он ранее занимался:

- переборами с горячей водой в детском саду;
- авариями на теплотрассе;
- бороться с дефицитом дизтоплива;
- контролировать завоз картофеля в столовую;
- распределять свежие овощи из теплицы;
- следить за зимним завозом сезонных отрядов и многим, многим другим, включая прямые обязанности главного геолога, главного инженера, заместителя начальника ввиду их полного отсутствия.

Зайдя в комнату переодеться, он посмотрел на спящую жену тем долгим взглядом, которым смотрят на любимую женщину, и в который раз подумал:

«И все-таки удел власти – одиночество!»

Сейчас он почему-то испугался, что близкие отношения с женой (те отношения, которые сложились за много лет совместной жизни) могут помешать ему принимать единственно правильные (на его взгляд) решения и что главным советчиком теперь является он сам.

«Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» – Макиавелли, кажется..

Да не совсем, наверное, так...

Власть просто помогает человеку высвободить и проявить те чувства (чаще всего не самые лучшие), которые дремали подспудно в человеке и не могли проявиться согласно его статусу, а, может быть, и не проявились бы никогда в иных ситуациях.

В таком изолированном социуме, каким являлся Поселок, власть явилась для него тяжелейшим испытанием, выдержать которое и выйти из него с честью дано, по всей вероятности, далеко не каждому.

За это время он не раз вспоминал настоящего Хозяина – основателя Поселка, безуспешно пытаясь приблизиться к его стилю и методам управления коллективом и понимая теперь, что все последующие руководители (да и он сам) были лишь бледными копиями, не оставившими никакого следа (правители времен Анны Леопольдовны, как любил говаривать один наш общий знакомый).

Об авторитете Ильи Семёновича (так звали основателя Поселка) красноречиво свидетельствует такой случай.

На Поселок с целью посещения месторождения прибыл министр геологии СССР, ну и, конечно, захотел ознакомиться с бытовыми условиями.

При входе в общежитие был остановлен суровой дежурной.

«Разуваться надо!!»

«Дура, – зашипели ей на ухо – это же министр!!!»

«Ну и что? У нас сам Илья Семёнович разувается!»

«Ну если сам Илья Семёнович, – рассмеялся министр, – тогда придется разуться!»

Он вдруг вспомнил, что не далее как вчера рассеянно слушал, время от времени кивая, стоящего перед ним в часы приема невзрачного человека (электрика, кажется), и вдруг почти с ужасом понял, что этот человек в настоящий момент для него всего-навсего лишь крохотный винтик в огромной машине, которой ему надо управлять.

В принципе, тогда подумал он, без этого винтика можно обойтись или заменить на худой конец, что ли...

Как-то незаметно отошли в сторону друзья, словно порог кабинета стал незримой чертой, отделившей тех, кто еще совсем недавно мог запросто прийти к нему домой практически в любое время.

Машинально помешивая ложечкой давно остывший чай, он вдруг опять вспомнил про Илью Семеновича.

«Вот ведь и на баб ему времени хватало, а тут». И покосился в сторону спальни.

Понимая, что этими размышлениями (или воспоминаниями – да не все ли равно) он просто оттягивает выход в контору, рывком поднялся, едва не опрокинув сахарницу.

Постояв на крыльце, с наслаждением вдыхая еще пахнувший снегом воздух, он увидел, что апрельское солнце уже окрасило холмы в нежно-розовый цвет и упорно старалось пробиться сквозь низкий густой туман, покрывающий долину невзрачной речушки с еще более неопределенным названием – Кевеем.

Мертвая река – не совсем точная этимология, как нельзя лучше характеризовало эту речку – рыбы никогда не было, воду пить нельзя, даже чай не заваривается.

За годы, проведенные на Севере, он так и не привык к полярной ночи.

Что-то глубоко противоречащее простому смыслу Бытия, было в отсутствии солнца в течение долгих четырех месяцев, и сейчас он, удивляясь самому себе (ну ведь не первый же раз!), почти с первобытной радостью ощущал долгожданный приход весны, как начало новой, еще полной надежд жизни.

По пути в контору – одноэтажное приземистое здание, выкрашенное в армейский грязно-зеленый цвет – он с удовлетворением отметил, что дорогу в школу расчистили, основательно подтаявшую горку возле детского сада убрали и мусор возле дома № 4 наконец-то вывезли.

Была середина апреля – самого не любимого им месяца.

Апрель в Тундре за Поселком – это в первую очередь грязно-серый, не вызывающий никакого сожаления и грусти снег, прорезанный набухшими ледяной мутной водой кривыми ручьями и крохотными вытаявшими островками прошлогодней травы, похожими на клочья свалявшейся шерсти неведомых животных.

В Поселке же апрель бесстыдно обнажает все пороки и язвы уходящей зимы – груды пустых бутылок и банок перед задними стенами общежитий, обрывки тросов и лужи солярки возле гаражей, кучи промерзших за зиму опилок слева и справа от пилорамы строительного участка.

А между тем Поселок – для большинства живущих здесь являющийся настоящим домом – просыпался.

Он посмотрел на ряд двухэтажных домов, виднеющуюся вдали школу, мам, ведущих детей в детский сад, вахтовки у контор бурового и горного участков. Ему вдруг, с пронзительной ясностью вспомнилось начало: примерзшие ночью к стенке балка волосы, очереди утром за колотым льдом для питьевой воды, пьянки каждый праздник, кончавшиеся трупам, скудное и однообразное питание в почему-то всегда полутемной столовой, горы журналов и писем, доставляемых не чаще одного раза в месяц, затертые и переклеенные по многу раз киноленты, которые крутили на узкоплечной «Украине». Он еще раз глубоко вдохнул теперь уже почти весенний апрельский воздух. «А, может, обойдется сегодня?» – с какой-то непонятной самому надеждой подумалось ему.

И опять, в который раз, он ощутил присущее всем, кто так или иначе был причастен к жизни в Заполярье – от последнего разнорабочего до Хозяина, чувство внутренней несвободы, неизбежно ведущее к конфликту с окружающими, но в первую очередь, с самим собой.

Уже открыв дверь кабинета, задержался у стола секретарши. «Все в порядке, Валя?», – бросив косой взгляд и почему-то забыв поздороваться, спросил он. И тут увидел в ее глазах беспокойство и плохо скрытое сочувствие. Секретарша досталась ему от прежнего начальника, и он уже успел привыкнуть к ней.

Кроме всех необходимых качеств, она как самый чуткий барометр, безошибочно определяла, кого пускать сразу, а кто может и подождать, знала все новости и настроения Поселка. Как и прежде, она не регистрировала почту, пока он не просмотрит, (потом всегда можно отписаться, что не получали ничего).

«Сделайте чай, Валя, пожалуйста, и давайте почту». Аккуратно сняв кожаный реглан, поправив сбившийся галстук, который он не любил, и так, несмотря на все старания, жены не научился завязывать. Но ноблес облич, и медленно открыл коричневую потертую папку. Приказ он прочитал, не вникая в смысл «в связи...» и прочие казенно-дежурные фразы он пропустил. «Сократить 43 человека! 43 человека! 43 Человека! 43!»

Он, как никто другой, знал и лучше других понимал, что другой работы в Поселке нет и, что эти 43 человека, почти каждого из которых он знал, нужно просто вышвырнуть из их привычной жизни, и именно ему, а никому другому, придется сообщить им эту ошеломляющую новость, которую нельзя осмыслить сразу и в которую невозможно вот просто так поверить.

Отхлебнул давно остывший чай и нажал кнопку селектора. «Валя, в 11.00 всех начальников участков ко мне».

Он оглядел собравшихся. Это были разные люди, но в условиях жесткого отбора Заполярья каждый из них был на своем месте.

Особенно задержал взгляд из-под припухших век на «гвардии» – начальниках геологической службы, горного и бурового участков.

«Товарищи, – он передохнул, пытаясь скрыть подступивший к горлу ком, – товарищи! Пришел приказ – сократить 43 человека».

Уже будучи начальником, он понимал, что без остальных служб просто невозможно функционирование сложнейшего механизма экспедиции и Поселка, неразрывно связанных меж собой и представлявших, по существу, одно целое, но оставаясь навсегда геологом, он считал их наиболее близкими и почти родными людьми, на которых всегда мог положиться, иногда даже больше, чем на себя.

«Вот они – Соратники, способные пробить любую стену» – подумал он, и еще раз глубоко вздохнул, как бы собираясь с силами.

«Да, товарищи – 43!! Вот такие дела». Перекрывая простуженным, знакомым всему Поселку и внезапно севшим голосом, разноголосый шум отрубил: «К 3.00 подать списки на сокращение. После трех решение буду принимать лично. Все свободны. Владимир Гаврилович, задержись».

С начальником геологического отдела и замещавшего главного геолога Владимиром Луценко их связывала долгая, еще институтская дружба. «Ну, что, Папа» – он назвал его институтским прозвищем, что делал в исключительных случаях, и всегда наедине. «Что будем делать? Ты знаешь город – они не слезут». Тот помолчал немного. «Ты вот что, Володя, ты решай с остальными, мне оставь геологов, ты знаешь – там по живому».

В три часа он вышел в приемную. «Никого не было, Владимир Александрович. Два раза звонили с города – я сказала, что вы на территории».

«Валя. До конца дня ко мне никого. И вы тоже не задерживайтесь». Он плотно прикрыл дверь, достал приготовленное штатное расписание и лист бумаги, на котором крупно написал:

КОНТОРА и ОСТАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ

Он не заметил, как за окном, почти полностью затянутым зимней ледяной коркой, стемнело. Поднял глаза на круглый циферблат часов.

Неужели уже 8 – удивился он. Список на 33 человека был готов. Негнущимся пальцем ткнул селектор: «Гаврилыч – тебе 8, меньше не могу, прости. Завтра жду». Позвонил домой: «Скоро буду». Посмотрел на кучу неразобранных бумаг, закрыл папку, достал из стола початую бутылку водки, налил половину стакана, выпил, закусил оставшейся от утреннего чая конфеткой, выпил еще.

Посмотрев на пустую бутылку, опять ткнул селектор: «Гаврилыч. У тебя есть? Сейчас зайду».

Домой пришел после полуночи. Жена, закутанная в пуховый платок, не спала. «Я все знаю, постелила тебе на кухне. Ты голодный? Я разогрею сейчас». Он молча ткнулся в ее теплое плечо и прошел в комнату. Через минуту он спал, не раздеваясь.

Он знал, что завтра будут обмороки и истерики, проклятия и угрозы, полный кабинет плачущих детей, которых тщетно будет пытаться не пускать Валя, не скрывающие осуждения и непонимания взгляды руководителей подразделений.

Он не знал и не мог знать, что всего через несколько лет его Поселок со школой-десятилеткой и автоклассом, детским садом с бассейном, крытым катком будет просто брошен на произвол судьбы и варварски разграблен старателями.

А еще через несколько лет на месте почти исчезнувшего Поселка будет суперсовременный вахтовый поселок с питанием персонала под наблюдением опытного врача-диетолога, обогатительная фабрика, выдающая тонны металла, благоустроенные дороги, мосты через реки, перед которыми стояли караваны машин в ожидании когда спадет вода...

Вспомнит ли кто-то нас – Первых?

Сейчас он спал, просто спал сном уставшего человека.

НИКОГДА НЕ ИЩТЕ ЭТО МЕСТО

Один из главных постулатов всех основных религий гласит, что у каждого человека есть только одно место на Земле, где он может быть абсолютно счастлив, обретая полную гармонию с самим собой и окружающим миром.

Косвенным подтверждением этому (отнодь не доказательством) могут служить сны, в которых, я уверен, вы видели места, где никогда не были, или, путешествуя по незнакомым вам странам и городам, вы вдруг ловили себя на мысли, что вы уже здесь были или видели это.

Это может быть как раз тем самым местом, но вы, к несчастью? (а, может, к счастью?) его не узнали, постаравшись найти этому логическое или научное объяснение.

Как-то, уже работая на Центральной Колыме, вечером, мы заехали на спрятанное от лишних глаз крайне живописное небольшое озеро, на противоположном берегу которого виднелась небольшая избушка с мерцающим огоньком. Это была самая необычная избушка, которую мне, много повидавшему, пришлось встретить. Стены ее и крыша были похожи на разноцветное лоскутное одеяло из-за обилия заплат из различных материалов и цветов. Навстречу вышел высокий, слегка сгорбленный человек, на вид лет 60, в невообразимых, но, на удивление, чистых, лохмотьях, с копной вьющихся крупными кольцами совершенно седых волос, сопровождаемый десятком разномастных кошек, которые с голодным мяуканьем устремились к нам.

«Ростислав Аристархович» – с полупоклоном представился он, поправив очки.

«Извините, в дом не приглашаю, знаете ли, киски у меня там, но могу предложить копченую рыбу и напоить чаем – у меня травяной, очень рекомендую».

Он захоптал возле костерка, а мы отметили про себя, что чайник и кружки были тщательно отчищены, а рыба лежала на застиранной, но чистой тряпице.

Стемнело. Костер нередко является местом откровений (по странной закономерности, много раз отмеченной мною) для малознакомых, а порой и вовсе не знакомых людей, которым открывают то, что очень тяжело и даже иногда невозможно доверить даже самым близким людям. Не стал исключением и этот, надолго запомнившийся мне вечер.

Мы услышали удивительную историю, которую я передам вам лишь в небольшом сокращении, опустив малозначимые подробности.

Обитатель избушки был доктором медицинских наук, после многих-многих лет работы в ведущей клинике Москвы, перешедший на преподавательскую деятельность в мединститут, имел роскошную квартиру, престижный автомобиль, красавицу жену, подающего большие надежды сына-хирурга и широкий круг знакомств.

И вдруг ему с завидным постоянством стал сниться один и тот же сон-северный пейзаж, озеро, невзрачная избушка. Он стал плохо спать, невнимательно готовиться к лекциям, бросился к врачам, психиатрам, гипнотизерам, гадалкам – все было напрасно! Наконец после двух лет мучений он решил отыскать это место. Он не рассказал, что стоило ему и сколько времени ушло на это, но можете себе представить – он его нашел! Едва ступив на берег озера, куда его довез на раздолбанной машине местный охотник, и, завидев избушку, он вдруг ощутил необычайную легкость и ясность мыслей и понял, что не давало ему покоя эти годы. В Москву он не вернулся и, по его словам, в течение 16 лет, которые он прожил, каждый день был для него наполненным светом и счастьем.

Он давно ушел спать, водитель храпел в машине, а я все сидел у костра под впечатлением услышанного.

И вдруг с пронзительной ясностью я вспомнил один случай, произошедший со мной на Чукотке.

Случилось это в 1985 году. Я ехал на вездеходе на Срединные озера с инспекцией геохимического отряда давно изученным путем, по обыкновению, задремал и проснулся от остановки вездехода на галечниковой террасе в устье р. Ледяная.

«Анатольевич, давай через Ледяную поедем – никогда не ездили», – предложил вездеходчик.

Я легко согласился. Проехав примерно километров десять, я почувствовал тревогу – не тревогу, а какое-то внутреннее беспокойство. Через минуту я понял его причину – я точно знал, даже не знал, а с фотографической черно-белой точностью видел, что за поворотом откроется аспидно-черный высокий сланцевый откос, под которым стоят ржавые тракторные сани с пятью ржавыми бочками! Это место позавчера я всю ночь видел во сне! Меня очень трудно напугать чем-либо, но здесь я ощутил почти суеверный страх.

«Стоп, Толян! Поворачивай!» – почти закричал я.

Через год вездеходчик рассказал мне, что проехал через Ледяную, нашел там сани с бочками и даже долил в баки бензина из одной.

Мои любезные Читатели! Если вы обратили внимание, я выделил в самом начале курсивом – *«окружающим миром»*. Дело в том, что нигде при упоминании «места счастья» нет даже малейшего намека на счастье с близкими людьми, и мои встречи с отшельниками в разных уголках света только укрепили меня в этом.

Бесконечно счастливые люди (по их уверению) – отшельники – всегда одиноки.

Не слишком ли высока цена за счастье?

Поэтому никогда не ищите это место!

Ищите счастье в общении с семьей, детьми, внуками, добрыми и надежными друзьями!

Берегите их!